Лидия
Розанова
На водных
просторах

НА ВОДНЫХ ПРОСТОРАХ

Путевые заметки

«Голос-Пресс»
Москва
2012

ББК 84 (2Рос-Рус)6
Р 64

Розанова Л.И.
На водных просторах. Путевые заметки. Публицистика. – М.: Голос-Пресс, 2012. – 112 с.

ISBN 978-5-7117-0609-0

ОТ АВТОРА

Автору в связи со спецификой работы приходилось часто бывать в командировках, много ездить по России. И в отпускное время я старалась попасть в те места, которые казались особенно интересными. В путешествиях руководствовалась принципом «Интересно там, где ты еще не был», а также поговоркой «Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать».

В предлагаемом вашему вниманию сборнике представлены зарисовки тех достопримечательных мест России, которые автору посчастливилось посетить. В России отсутствует тот сервис, которым славится Европа. Но мы располагаем такими неограниченными возможностями для путешествий, которые зарубежным жителям и не снились.

Дорогие соотечественники, путешествуйте, расширяйте свой кругозор, познавайте родной край, изучайте любимую Родину. Она отблагодарит вас сторицей. Не случайно все путешественники – оптимисты.

ВОЛГО-БАЛТИЙСКИЙ КАНАЛ

Путешествие по Волго-Балтийскому каналу начиналось от Северного речного вокзала столицы, а заканчивалось на озере Белое. Тем же путем мы вернулись обратно. Детище Иосифа Сталина, этот канал был задуман как доказательство мощи молодого Советского государства. Мариинская водная система, строительство которой началось еще при Петре I, после реконструкции вошла в Волго-Балтийскую водную систему как ее часть.

Плывем по каналу имени Москвы в пределах столицы. Забавно, не правда ли, плыть в Москве по каналу имени Москвы. Проплываем Клязьменское водохранилище, минуем Пестовское, Икшинское и Яхромское водохранилища. Канал пересекает Клинско-Дмитровскую гряду с помощью системы шлюзов и выводит нас в Волгу слева от города атомщиков Дубна. И по Большой Волге в ночное время мимо городов Кимры, Калязин и Углич по Угличскому водохранилищу мы попадаем в Рыбинское водохранилище. Пересекаем это рукотворное море и выходим на берег в городе Череповец.

Здесь нам предстоит первая прогулка по суше. Автобусная экскурсия, как и следовало ожидать, не позволила составить мало-мальски приемлемое представление о городе, хотя мы исправно поворачивали головы направо и налево. Хорошо запомнилось только то, что свой город местные жители ласково называли Черепушечка.

Далее плывем по бывшей реке Шексне, ставшей составной частью Волго-Балта. Некогда порожистая и своенравная Шексна превратилась в прямой и широкий канал. На его берегу находится живописный Горицкий монастырь с интересной историей, но мы его минуем. А в канале до сих пор стоят затопленные при строительстве храмы с маковками, поднимающимися над водой. Становится страшно, как в кошмарном сне. Страх еще более усиливается, когда кто-нибудь из команды сообщает о том, что под нами находится затопленная деревня.

Во время продвижения по Шексне было несколько шлюзований. Шлюз № 7 это целая система сооружений со своей электростанцией. Глубина шлюза превышает 9 метров. Теплоход заходит в герметически закрытую со всех сторон ванну, в которую насосами подается вода, и судно постепенно поднимается

на необходимую высоту. Затем открываются противоположные ворота шлюза, что означает конец шлюзования, путь свободен, но уже по другой водной системе. Наш теплоход небольшой, однопалубный, уютный, и туристы постоянно находятся вне кают, созерцая окружающую природу. Конец августа, погода великолепная, за всю поездку не было ни одного дождливого дня.

В районе Кириллова сооружен канал, относящийся к Мариинской водной системе, по которому наши предки из Белого озера попадали в Кубенское водохранилище, по Сухоне достигали Северную Двину, а затем и Белое море. В старинном городе Белозерске закончился наш маршрут. А Волго-Балт на север продолжается рекой Вытегрой, на которой тоже построено несколько шлюзов, что позволило преодолеть значительный перепад высот. Минуя город Вытегру, вы попадаете в Онежское озеро, далее в реку Неву и в Финский залив.

Своеобразное Белое озеро имеет почти круглую форму и большую водную поверхность, около 1100 км^2. При небольшой глубине озера и сильном ветре на нем возникают волны, поднимающие донный песок, что значительно осложняет судоходство. Предусмотрительные купцы Белозерска в южной и юго-западной частях озера прорыли глубокий и протяженный, около 70 километров, канал, действующий и в настоящее время. Это дало возможность любому судну плавать в непогоду.

Белозерск известен с летописных времен. Ранее здесь находилось древнее городище. В «Сказании о призвании варяг на Русь» говорится, что на Белозерске княжил легендарный Синеус. Прежде город располагался на северном берегу озера, где селились дружинники. Об этом напоминают древние географические названия – Дружинное озеро, Луковесь, Череповесь /Череповец/. Киевский князь Владимир перенес город на новое место к истоку Шексны, где вода озера не заливала город. Но и оттуда ему пришлось переехать после моровой язвы, унесшей жизни более половины жителей города. Здесь он существует и сейчас. Произошло это в 1363–1364 гг. Место окончательного обоснования города отмечено огромным валуном с надписью: «Град Белозерск основан в 862 году».

В XIII веке на берегу Белого озера с центром в Белозерске возникло княжество. В него вошли также земли по течению Шексны и вокруг Кубенского озера. Княжил в нем Глеб Василькович. Новое княжество выполняло роль убежища, куда стекались

беженцы из центральных районов Руси, пострадавшие от татар и междоусобиц с соседями. В XIV веке при Иване Калите Белозерск уже зависит от Московского княжества. Согласно Духовной грамоте Дмитрия Донского земли Белозерского княжества наследует его сын Андрей, князь Можайский. Таким образом зависимость княжества подтверждена была юридически.

К этому времени Белозерск в экономическом отношении становится развитым городом, где основную роль играет торговля. При Иване III Белозерск – один из форпостов Москвы на севере, он усиленно укрепляется. В конце XV века здесь были насыпаны мощные земляные валы, в основании которых заложили перекрытия из могучих бревен. А перед 30-метровыми валами выкопали глубокий ров, заполнив его водой. Верх валов обнесли деревянной оградой с восемью башнями. С течением времени этот деревянный город разрушился. Однако могучие валы сохранились до наших дней.

Во время польско-литовского нашествия в 1612 году Белозерск был разорен, что подорвало его дальнейшее развитие. А перенесение в XVIII веке торговых путей на Балтику отрицательно повлияло на экономику города. Белозерск приходит в упадок. От прежних времен в городе сохранились многочисленные памятники – Преображенский собор, построенный в конце XVII столетия, с резным позолоченным иконостасом, украшенный лепниной и скульптурой, Присутственные места, сооруженные в классическом стиле, церковь Успения, начало сооружения которой относится к 1552–1553 гг., Торговые ряды постройки 1840 года – образец торговых рядов того времени, расположенная на Посаде легкая и стройная церковь Богоявления середины XVIII века, ажурная церковь Всемилостивого Спаса, возведенная в начале XVIII века. Белозерск славится своей иконой Богоматерь Белозерская. Кроме того, в городе сохранились еще пять храмов, построенных в XVIII столетии. Такое обилие храмов в городе указывает на богатое местное купечество, возводившее эти сооружения.

Вдоль набережной Белозерского канала выстроились шесть одноэтажных зданий из красного кирпича, построенных в 1846 году в стиле позднего классицизма. В них размещались начальник канала, казармы для команды, провиантские склады с магазинами и кузница. На другом берегу, напротив этого комплекса, высится обелиск, установленный в том же году в честь открытия канала.

Интересны жилые строения Белозерска, построенные в основном в первой половине и середине XIX столетия. Они разбросаны там и тут, создавая в городе атмосферу парадности. Самое крупное из них – усадебный дом. Архитектура Белозерска подчеркивает значительность этого города в былые времена. Белозерск играл существенную роль в XVII–XIX веках в России до тех пор, пока торговые пути Севера не были окончательно перенесены на Балтику.

Наше пребывание в Белозерске было насыщено до предела. Помимо знакомства с архитектурой города надо было посетить кинотеатр, побывать на городском кладбище и поговорить с местными жителями и ребятами-колонистами местного детского дома.

Белозерск с его многовековой историей – родина известного поэта Сергея Орлова. Родился поэт в деревне Мегра, стоявшей в устье речки того же названия. В связи со строительством Волго-Балта деревня была перенесена выше по течению речки.

Не обошлось без курьезов. Утром 30 августа, в день отплытия из Белозерска, обнаруживаем, что наши места не только заняты местным населением, но весь теплоход забит мешками с грибами, ведрами с ягодами и прочей деревенской снедью. Сесть некуда, можно только стоять между мешками и ведрами. Руководитель нашей тургруппы просит капитана разъяснить создавшееся положение. Тот пожимает плечами: «А что вы хотите? Дети возвращаются в школу. Садитесь на теплоход, как можете, следующий рейс из города только через два дня. Высадить пассажиров с детьми я не имею права. Вам же могу предложить свою каюту». И унылые туристы побрели в капитанскую каюту, расположенную в центре палубы и не имевшую окон. Не обремененная тяжелой кладью, я поднялась в капитанскую рубку, где помимо рулевого и проводницы уже сидели два пассажира с мешками, набитыми дарами леса. Мне тоже нашлось место, иногда невысокий рост – преимущество, а не помеха.

Как же мне повезло! Обзор с высоты великолепный, рулевой по ходу судна дает пояснения, как настоящий гид, часто с солеными шутками. Пассажиры тоже не лыком шиты, анекдоты и шутливые рассказы сопровождаются смехом. За стеклом рубки проплывают красивейшие пейзажи. О таком путешествии даже и не мечталось.

Столь выигрышное мое положение не давало покоя руководителю нашей группы. С каким-то листком она поднялась в рубку:

«Розанова, я забыла записать дату вашего рождения». Оценив юмор руководителя, в тон ей отвечаю, что это очень сложный вопрос и его можно решить только по прибытии в Москву. Руководитель спускается по лестнице вниз, тут же возвращается вновь, но, поняв, что ничего нового от меня не услышит, исчезает уже навсегда.

Проплываем Воскресенский Горицкий и Кирилло-Белозерский монастыри. Русские монастыри производят неизгладимое впечатление, а северные в особенности. В их облике есть что-то истинно отшельническое, какая-то особая щемящая красота, смешанная с грустью. Кирилло-Белозерский монастырь был основан в 1397 году монахом московского Симонова монастыря Кириллом, который принадлежал к древнему боярскому роду Вельяминовых. Этот факт, ничего не говорящий другим лицам, представляет для меня определенный интерес, поскольку мой отец Иван Дмитриевич Розанов – уроженец подмосковного государева села Вельяминова.

Кирилло-Белозерский монастырь, расположенный на берегу небольшого Свирского озера, являет собой настоящий боевой форпост на северных подступах Русской земли, при первом взгляде на который возникает мысль о том, что это оборонительное укрепление.

Пассажиры на пристанях высаживаются, появляются новые, но тем не менее теплоход постепенно от них освобождается. В Череповце на нем остались одни туристы.

Общее впечатление от поездки, надо сказать, нерадостное. Чего не смогли свершить императоры России, то оказалось под силу новым правителям – большевикам. В их честолюбивые планы входил не только Волго-Балтийский канал. По генеральному плану Москвы вся столица подлежала переделке, а река Москва должна была быть спрямлена на многих участках. Возникает естественный вопрос: «Зачем и кому это нужно? Разве не было в голодной разоренной войнами стране других задач, кроме как улучшать достижения своих предков и природу?». Были запланированы и другие сомнительные стройки, в том числе строительство канала между Енисеем и Обью. Новые правители России доказывали свое превосходство не только над родной природой, но и над народом. Эти стройки ни с кем не согласовывались, мнение местного населения не учитывалось. Волго-Балтийский канал – одно из тех свершений, которые нанесли непоправимый

урон и природе, и человеку. Сколько затоплено деревень и других населенных пунктов! Целый город похоронен под Рыбинским водохранилищем, русский купеческий город Молога со славной историей. Не говоря уже о моральном вреде для народа, о его развращении как покорителе родной природы. Создалась общность людей, ради амбициозной идеи не щадивших своей малой родины. Это тем более чудовищно, что русский народ всегда с большим трепетом, свято относился к своей родной земле-кормилице. «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача». И брали, любой ценой брали. Волго-Балтийская водная система сейчас работает, она нужна людям. Но Москва не стала портом пяти морей. И еще остались папиросы «Беломор», прозванные самим народом «Белый мор». Да и те уже не выпускают. Как тут не вспомнить замечательное стихотворение Сергея Орлова «На Волго-Балте»?

СЕРГЕЙ ОРЛОВ.
НА ВОЛГО-БАЛТЕ

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер.
Теперь ее на свете нет.
Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погремком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.
Плывут по ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы,
Планеты стали и стекла.
И дела нет до них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.
Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила.
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола.

Стогов, домов, хлебов, овинов
В богатый год и в недород,
В чем виновата, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.
Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век.
Вывертывает он деревья
И прерывает русла рек.
Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не смог.
И этот лайнер снежно-белый
И всплывший дедовский пенек.
И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню
И слышу звон колоколов.
А наверху, как плахи, пирсы,
В ладонях шлюзов – солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,
Одно другим не зачеркнуть.

ИЗ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА В ОНЕЖСКОЕ

На теплоходную экскурсию по северным озерам в начале мая вопреки ожиданиям записались многие сотрудники. И в их числе оказался малообщительный заместитель директора нашего научно-исследовательского института, настолько был велик интерес к поездке. На судно в северной столице погрузились к вечеру. По Неве поднимались при лунном свете и при общем ликовании по случаю майских праздников. Восход солнца встретили уже в Ладожском озере, и теплоход взял курс на северо-восток на Валаам.

Утро выдалось на редкость великолепным. Ярко светило солнце, на озере штиль, все туристы высыпали на палубу. Ничто не предвещало задержки. Но север есть север. Путь нам преградил сплошной ледяной массив, растянувшийся на несколько километров. В ожидании ледокола пассажиры переместились на солнечную сторону, загорают. Крошечный ледокол, появившийся часа через два, вывел нас на чистую воду.

Остров Валаам возникает из водной глади как нечто фантастическое. Его берега изрезаны многочисленными бухтами. На фоне северного неба на них тут и там возвышаются сосны причудливой формы. Валаамские пейзажи изумляют своей суровой красотой. Небольшие островки покрыты могучими елями и соснами, деревья будто вырастают из прибрежных вод. Теплоход сбавляет скорость и медленно приближается к пристани. Экскурсовод ознакомил нас с деятельностью на острове монахов. Особенно впечатлила Аллея одинокого монаха, окаймленная высокими одновозрастными елями.

На пристани узнаем, что теплоход отчалит через три часа и желающие могут посетить Спасо-Преображенский монастырь, расположенный в шести километрах. Но, внимание, опоздавших не будут ждать ни секунды. В тот же миг четыре человека – юноша, семейная пара из северной столицы и я, не говоря ни слова, устремляемся в монастырь. Дорога превосходная, утрамбованный песок пружинит под ногами. Неяркое солнце пробивается сквозь ветви могучих деревьев. В дороге знакомимся, снимаем верхнюю одежду и переходим на бег. Шесть километров одолели за 45 минут.

Монастырь, выполненный в греческом стиле, расположен за каменной оградой. Купола собора напоминают шлемы древнерусских воинов, их пять в соответствии с каноническими нормами. Рядом высится колокольня, тоже белокаменная. В монастырь мы не смогли попасть из-за дефицита времени. В нем находится приют для калек, потерявших на производстве, в армии или в быту руки или ноги, а иногда то и другое, за которыми дома некому ухаживать. Об этом мы узнали в магазине, расположенном тут же вне ограды.

Ассортимент магазина однообразен и вызвал бы удивление у любого человека. Полки слева и в центре уставлены винно-водочными изделиями, и лишь на полках правого угла стояло несколько банок с медом и вареньем из морошки местного производства, а также лежали буханки белого хлеба. Обслуживающий персонал монастыря покупал преимущественно водку, подсчитывая в кошельках мелочь и громко переговариваясь. Между ними ходили голодные и неопрятные дети. Увидев вновь прибывших, они тут же сгрудились вокруг нас с просьбой купить хлебушка.

Раздав детям хлеб, мы вышли из магазина. Вокруг сидели, иногда прямо на земле, выпившие местные жители. Мы попали в иной мир, с иными ценностными ориентирами. Легко можно представить, как в приюте живется калекам, за которыми присматривает вечно подвыпивший персонал. Не имея на острове ни родных, ни близких людей, будучи не в состоянии себя обслуживать, эти люди обречены на полуживотное существование. Я представила себе смрад в палатах от лежачих больных и вечно нетрезвую обслугу. Упрятали калек подальше от чужих глаз и успокоились. Надо думать, мало кто из них долго выживет в столь нечеловеческих условиях. Из газет в дальнейшем узнала, что приют собираются перевести на материк в Кондопогу.

О нашем появлении в поселке каким-то образом прослышали обитатели приюта. К нам подъехал колясочник без ног и с обрубками рук, которыми он умудрялся управлять своим транспортным средством. Вместо причитаний этот мужественный человек, как в дальнейшем выяснилось, бывший военный, попросил закурить. Бывший военный представился и расспрашивал нас о жизни на «Большой земле» и политической ситуации в стране. Так хотелось хоть чем-то ему помочь. Отдала ему все оказавшиеся

при мне значки. Значок «Ленинград – город-герой» он попросил прикрепить на свой пиджак.

На пристань вернулись с небольшим запасом времени. Будь его больше, мы успели бы посетить монастырское кладбище. Там, по словам местных жителей, установлены надгробия, представляющие собой художественную ценность. Некоторые из них выполнены из белого мрамора.

Солнце почти село за горизонт, его последние лучи окрасили водную гладь во все оттенки розового цвета. И наш теплоход, наша посудина, под торжественные звуки Петра Ильича Чайковского выходит из бухты на необозримую Ладогу. Утро встречаем уже в реке Свирь, соединяющей Ладожское озеро с Онежским. Нам предстоит посетить Кижи. Справа по борту остается Большой Клемецкий остров – самый крупный в архипелаге. Остров известен своим монастырем Клеменцы, основанным на его южной оконечности в 1520 году новгородским гостем, выбравшимся на берег после кораблекрушения. Попадаем в Сенную губу, и перед нами появляется островерхий силуэт Кижей.

Ансамбль Кижи в современном виде сложился сравнительно поздно, в XVIII веке. Явно не русское название «Кижи» связано с жившим здесь карельским населением; в карельском и вепском языках слово «кижат» означает место для игрищ и само игрище, от которого и происходит название ансамбля. Видимо, в прежние времена на этом острове собирались жители окрестных деревень на свои языческие праздники. В дальнейшем, в X–XII веках, эта местность перешла во владение новгородцев. Погост (в своем первоначальном значении) Кижи впервые упоминается в 1496 году, когда эти земли вошли в состав Русского государства. В середине XVII века Кижский погост, как административная единица, насчитывал 130 деревень на окрестных землях и островах, в которых проживали 11 тысяч душ.

О музее-заповеднике Кижи издана обширная литература. Но «лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать». Удивителен все же русский человек. Иногда он любит выпить, иногда не в меру ленив. А вот ведь создал такое диво, как ансамбль Кижи, и все ему за это можно простить. И нет ему равных на земле по фантастичности замыслов. Смотришь на это чудо чудное, диво дивное, графически четко выделяющееся на фоне серого

северного неба, и дух захватывает. Сотворили же, смогли! И пропорции соблюдены, и поставлен храм на своем месте. А перенеси его в другое место, на подмосковный березовый холм, например. Нет, не то, затеряется ансамбль, не будет той звенящей благодати, которая всегда присутствует при взгляде на умело сработанный и умело поставленный храм. Абсолютная гармония между окружающей природой и церковным зданием, так чутко улавливаемая русскими зодчими, всегда остается чудом.

Кижский ансамбль возводился в течение длительного времени. В петровскую эпоху, в 1714 году, на Кижском погосте появилась огромная многоголовая церковь Преображения. Через полвека, в 1764 году, возвели следующий замечательный памятник – Покровскую церковь. Прежнюю колокольню в 1874 году заменили новой, а в 1959 году завершилось восстановление ограды по старинным образцам. Но, несмотря на разновременность построек, они образуют цельный ансамбль – один из лучших в русском деревянном зодчестве.

Петрозаводск – относительно молодой, хорошо спланированный город, наибольшее развитие которого относится ко временам Петра I. Наш теплоход долго не мог причалить к его пристани, мешали льды. В северной части Онеги льды сохраняются долго. И только небольшой ледокол, отчаянно крушивший ледяную шугу и глыбы льда, позволил нам достичь причала. Поставленный в Петрозаводске памятник Великому Императору считается одним из лучших. Город пронизывают северные ветры, чему способствует и планировка его улиц. Он немноголюден, с просторными площадями, по нему приятно ходить. Неторопливая окающая речь местных жителей действует успокаивающе.

С Петрозаводском связаны многие годы жизни известного деятеля Советского государства Юрия Владимировича Андропова (1914–1984), начавшего свою политическую деятельность с должности первого секретаря ЦК ЛКСМ Карелии. С начала Великой Отечественной войны он – активный участник партизанского движения Карелии. После освобождения Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю.В. Андропов становится вторым секретарем горкома партии, а с 1961 года – сотрудником аппарата ЦК КПСС. К сожалению, болезнь и кончина не позволили осуществиться замыслам Ю.В. Андропова, связанным с необходимыми преобразованиями в России.

Русский Север производит неизгладимое впечатление, особенно его люди. Они немногословны, несуетливы, степенны, держат себя с достоинством. На вопросы отвечают обстоятельно, но сами с вопросами обращаются редко. Неторопливая речь, сдержанные жесты – это черты людей, не понаслышке, а близко соприкасающихся с суровой северной природой. Если тебя кто-то ненароком задел, можешь не сомневаться, что это сделал приезжий.

Молодежь тоже несуетлива, излишне не шумна, свои чувства напоказ не выносит. Москва на людей Севера производит не самое благоприятное впечатление. Мало кто из них хотел бы связать свою жизнь со столицей. Здесь уместно напомнить, что на Русском Севере никогда не существовало крепостное право. Царь Иван Васильевич Грозный узнав, что север его государства населяют люди, никому не принадлежащие, был несказанно удивлен и рассержен.

ПО СУХОНЕ

Путешествие начиналось из Вологды, привольно раскинувшейся по обеим берегам реки Вологды, притока Сухоны. Расстояние от города до устья реки не более 20 километров. В древности Сухона делала здесь крутой поворот, огибая полуостров. Предание гласит, что белозерский князь Глеб Василькович в 1240 году повелел прорыть канал на перешейке этого полуострова и так спрямить путь для судов. Река Сухона вытекает из Кубенского озера. Нередко в весеннее половодье можно наблюдать, как река поворачивает вспять и в своем верховье течет в обратном направлении. Столь необычное явление наблюдается не только на Сухоне, но и на других реках Севера. Его причина в том, что многочисленные небольшие речки, впадающие в Сухону, своими водами переполняют ее во время паводка, заставляя изменить течение.

Вологда, жемчужина Русского Севера, в XII веке была небольшим поселением на правом берегу реки Вологды (в переводе с финно-угорского языка слово это означает «светлая», «ясная»). Это название первоначально упоминается в «Житии Герасима» – первого вологодского святого. «Житие» показывает, что в 1147 году (год основания Москвы) Вологда уже была значительным городом.

Вологда, занимавшая выгодное географическое положение, во второй половине XIII века принадлежала Великому Новгороду. Здесь пересекались торговые пути Новгорода, Москвы и приволжских городов, и Вологда постепенно становится торговым центром Севера. Товары водным путем доставляли из города по Сухоне и далее по Северной Двине в Архангельск, бывший в допетровские времена основным и единственным «окном в Европу». Вследствие такого выгодного положения Вологда постоянно привлекала к себе внимание московских и тверских князей, которые в XIII–XIV веках вели непрекращающуюся борьбу с Новгородом за этот город. При великом князе Дмитрии Донском вологжане даже участвовали в его походе на Новгород в 1386 году. В состав Московского государства Вологда вошла только в XV веке. В XVI веке Вологда достигла своего наивысшего расцвета. Ее посещали многие иностранные гости, английские суда бороздили воды Сухоны и Вологды. Интересен тот факт, что первым иностранным послом, которого в 1566 году направили в Англию, был уроженец Вологды Осип Непея. Дальнейшее развитие

торговли было связано с освоением Московским государством Сибири. Торговый путь на Урал проходил через Вологду.

В 1692 году Вологду впервые посетил молодой царь Петр I. По его приказу в 1702 году в городе было построено множество судов, которые были переправлены в Архангельск. Сохранился дом Петра I, в котором царь постоянно останавливался и в котором сейчас находится филиал Краеведческого музея. С основанием Санкт-Петербурга и перенесением торговых и морских путей на Балтику значение Вологды упало. Крупный торговый центр постепенно превратился в обычный провинциальный город.

В Вологде родился известный русский поэт К.Н. Батюшков, его детство прошло в имении отца близ Вологды. Около Кубенского озера в лесном хуторе появился на свет бытописатель Москвы В.А. Гиляровский, учившийся в Вологодской гимназии. В селе Котельниково близ Вологды жил изобретатель первого в России самолета А.Ф. Можайский. Многие другие известные деятели науки и искусства так или иначе были связаны с Вологдой, и среди них поэт Н.М. Рубцов.

Протекающая по городу река Вологда, делающая две извилистые петли, придает ему неповторимый колорит. Город хорошо спланирован, в нем невозможно заблудиться. Тебя не покидает ощущение, что ты находишься в городе-музее. Его можно сравнить с Суздалем с той лишь разницей, что суздальские храмы расположены единым массивом. В Вологде же, разделенном на четыре части – Город, Верхний Посад, Нижний Посад и Заречье, каждая из частей имеет свой комплекс культовых зданий, как правило, расположенных обособленной группой. Между ними находятся постройки жилого, управленческого, промышленного и иного назначения. Нельзя и шагу ступить, чтобы не встретить очередное здание изумительной архитектуры – церковь, колокольню или жилой дом.

Богатая Вологда и строилась богато. В архитектуре города использованы все стили, разработанные нашими предками (до появления морского порта в Архангельске Вологда главенствовала в торговле Северной Руси). Взобравшись по скрипучим деревянным ступеням на смотровую площадку в колокольне вологодского кремля, мы обозревали город с тридцатиметровой высоты.

Каждый церковный приход возводил зимний храм, в котором проходила служба в зимнее время, а на нем – летний неотапливаемый храм. Суровый север диктует свои требования к архитектуре.

При этом вологодские зодчие не копировали архитектуру Новгорода, Твери или Москвы, а создали свой вологодский сплав, что характерно также и для иконописи и предметов быта. Его отличительная особенность – большее изящество с примесью простоты, что в целом определяет искусство Севера. Однако как целостное направление вологодский стиль не был создан.

Деревянные жилые здания Вологды богато украшены резными деталями, напоминающими вологодское кружево. Здания эти – истинное украшение города. Архитектура каменных жилых строений состоятельных людей также придает городу неповторимый колорит. При Иване Грозном Вологда какое-то время выполняла роль столицы Российского государства. Знакомство с Вологдой закончилось посещением Музея академика М. Павлова. Вот какое чудо существует на Русском Севере.

Запомнились вологодские женщины, в начале мая при температуре +10° прогуливавшиеся по улицам с непокрытыми головами, в легких плащах, туфлях или босоножках, без чулок. Им так хочется лета после продолжительной зимы. Запомнились бездомные собаки города, которые запрыгивают в общественный транспорт с передней площадки самостоятельно, едут 2–3 остановки и также молча, предварительно обнюхав все сумки пассажиров, выходят через заднюю дверь там, где, видимо, есть чем поживиться. Наши московские бродячие жучки пока еще не переняли такой способ добывания пищи.

Утром следующего дня занимаем места на небольшом однопалубном теплоходе, и под трижды прозвучавшие гудки корабль прощается с очаровательной Вологдой. Очередной изгиб реки, и вологодские купола исчезают из поля зрения. Расходимся по каютам. Вместе с нашей группой работников науки плывет группа сотрудников редакции Большой Советской Энциклопедии.

Проплываем село Шуйское, название которого напомнило о Смутном времени. Русло Сухоны очень извилисто, на крутых поворотах берега обложены бревнами, чтобы не бился сплавляемый по реке лес. На одном из таких поворотов, укрепленном бревнами еще в царские времена, была устроена первая стоянка. Осматриваем причал, знакомимся с местными ребятишками и скотиной, которую им доверили пасти.

Выйдя из Кубенского озера, Сухона (ударение на первом слоге, как во многих северных названиях) лениво течет по равнинной местности. Постепенно над рекой начинают подниматься

берега, выходя к воде отвесными обрывами. Сухона продолжает петлять между высоких елей. Река издревле служила дорогой в Двинскую землю. Северная Двина и Сухона были важными торговыми путями, значение которых особенно усилилось в XVI веке, по ним проходил водный путь в Европу через Белое море.

Темнеет. Все пассажиры высыпали на палубу. Возникло заманчивое предложение организовать концерт собственными силами. Артисты разбредаются по теплоходу, обдумывая предстоящее выступление.

Утром приплываем в Тотьму, в которой проведем целый день. Город расположен на левом высоком берегу Сухоны, изрезанном глубокими оврагами. Ранее город, основанный новгородцами предположительно в XII веке, находился в другом месте – близ устья реки Тотьмы, от которой и получил свое имя. В первую очередь в глаза бросаются храмы, городские доминанты, горделиво возвышающиеся над одно-двухэтажными жилыми домами. Согласно проведенной в 1623 году переписи, в Тотьме насчитывалось 199 дворов, 20 храмов и 8 соляных варниц, то есть один храм приходился на 10 дворов.

Расцвет Тотьмы как торгового центра падает на XVI век, считающийся «золотым веком» сухоно-двинской торговли. История Тотьмы неразрывно связана с историей Вологды. Большой вклад в городское строительство внесли известные промышленники Строгановы. Они строили как культовые здания, так и жилые. Несколько раз город посещал Петр I, его особенно интересовало солеварение.

В качестве гида по городу нас сопровождал уроженец Тотьмы, энергичный и высокообразованный С. Зайцев-Тотемский, всю свою жизнь посвятивший исследованию и пропаганде искусства Русского Севера, в основном своего родного города. Снятый им документальный фильм о Тотьме получил широкую известность в Европе. С. Зайцев-Тотемской познакомил с фильмом и нас, просмотр проходил в полуразрушенной церкви.

С. Зайцев, истинный патриот своей малой родины, знал каждую деталь любого здания, каждый его изгиб. Вместе с нами он прыгал через овраги и ручьи, взбирался на колокольни по шатким мосткам и с восторгом рассказывал о Тотьме. Своеобразие тотемских храмов состоит в привнесении в русское зодчество элементов готики, но переработанной человеком Русского Севера в соответствии с его мироощущением. Это не было слепым копированием. Северные зодчие создали уникальный сплав

архитектуры, нечто неповторимое, присущее только Тотьме и ее окрестностям. Бесстолпные, вытянутые в длину культовые строения относятся в основном к XVIII веку, их красота улавливается не сразу. Эти неширокие, устремленные ввысь храмы составляют с колокольней единое целое. Центральная глава часто световая, а над нешироким алтарем возвышается главка. Оконные проемы вытянуты в длину, стены фасада расчленены пилястрами, и еще одна особенность тотемских храмов – это картуши, по-местному, клейма. Располагаются они, как правило, между рядами окон. Картуши часто сопровождаются не менее выразительными фронтонами, выполненными в едином стиле. Особенно роскошные картуши создавались на гранях вытянутых барабанов, где их размещали в два яруса. В картушах использовали элементы барокко – дуги, завитки и другие криволинейные композиции. Они слегка выступают над плоскостями стен или барабанов, но не нарушают основные объемы здания. Описание это не может полностью отразить очарование тотемских храмов, их надо видеть. Их вытянутые формы особенно наглядны со стороны боковых фасадов, храм напоминает средневековой корабль, бегущий по волнам. Впечатление это усиливают картуши, часто украшенные вензелями. Ставились такие храмы на наиболее выигрышных местах. Иллюстрацией тотемского стиля архитектуры могут служить Входоиерусалимская церковь и церковь Рождества Христова.

Тотемские храмы, как принято на Севере, строили в два этапа, первоначально возводили нижний теплый храм, и лишь затем – верхний холодный. Разновременное возведение основных частей культовых зданий характерно также для Великого Устюга и Сольвычегодска. В таком же стиле выдержана пятиглавая церковь Святой Троицы, что в Зеленой Рыбачьей слободе, с мостков которой мы чуть было не упали. Она стоит на возвышенном берегу Сухоны в устье речки Песья Деньга.

Казалось бы, откуда в этом затерянном среди дремучих лесов и непроходимых болот крае неистребимая тяга к дальним странствиям? Но если вспомнить, сколько первопроходцев на восток дал Великий Устюг, в числе которых был Семен Дежнев, то становится понятным стремление и жителей Тотьмы к дальним хождениям. Среди них И.А. Кусков, служащий Российско-Американской компании, являющийся основателем и управляющим с 1812 по 1821 год самого южного русского поселения в Северной Америке – крепости

Росс (штат Калифорния). Его дом в Тотьме сохранился до сих пор, его именем названа одна из набережных города.

В Краеведческий музей Тотьмы мы не попали, он оказался на замке. Даже С. Зайцеву-Тотемскому не удалось его открыть.

Оставшуюся часть пути от Тотьмы до Великого Устюга плывем под дождем. Сквозь водную пелену проглядывают нескончаемые дремучие леса. Берег то отступает и теряется в непроглядной пелене – река здесь широкая, то приближается совсем близко. Идет сплав леса. Могучие бревна, связанные в пакеты, тянутся за буксирующим их катерком. Иногда проглядывают песчаные отмели с возвышающимися над ними соснами-гигантами.

Ночью также плыли под дождем, зарядившим и на весь следующий день. Моя соседка по каюте играла в шахматы, стоявшие на столике возле иллюминатора. Ее партнер Михаил, прогуливавшийся по палубе, время от времени бросал взгляд через иллюминатор на шахматную доску, небрежно переставлял фигуру и опять исчезал. Все партии тем не менее выиграл он.

Впереди два дня пребывания в Великом Устюге. Сухона здесь очень широкая, противоположный берег, где находится Дымковская слобода, еле различим. Свое название город получил от устья реки Юг, довольно протяженной, в верховье текущей с севера на юг, затем делающей два поворота на 90° и продолжающей свой путь уже с юга на север. Сухона и Юг вместе образуют Малую Северную Двину. После города Котлас, где Малая Северная Двина принимает воды Вычегды, река получила название Северная Двина. Она течет к Архангельску, где впадает в Белое море. Вот таким водным путем наши предки торговали с соседями, в том числе и с населением берегов Белого озера.

Во времена Ивана Грозного Устюг вместе с Вологдой становится форпостом опричнины на востоке страны. Тогда-то ему и было даровано имя Великий.

Промозглое дождливое утро, север, однако. Уныло бродим по набережной, она же центральная улица города. Набережную Великого Устюга можно назвать музеем под открытым небом. Каждое здание на ней – храм или жилой дом – великолепной архитектуры. Город как бы выставился напоказ на набережной: «Вот каковы мы, устюжане. Смотрите на нас, проплывающие гости!».

Великий Устюг город небольшой, по его набережной мы прошли от начала и до конца за половину дня. Немногочисленные параллельные набережной улицы также изобилуют историческими

памятниками. Какое богатство внешней отделки зданий, какая фантазия! В голове после экскурсии мешанина из разных архитектурных стилей, требующая осмысления. Лучший способ выйти из столь затруднительного положения – приехать в город еще раз. Большинство храмов находятся в хорошем состоянии. Великолепны изящные колокольни, царские врата, иконы вековой давности – все эти знаки взлета искусства Русского Севера.

Семену Дежневу на набережной поставлен прекрасный памятник, гордо возвышающийся над природным и рукотворным великолепием. Именем С. Дежнева, который впервые обогнул Чукотку, названа самая восточная оконечность России мыс Дежнева. Великий Устюг сыграл важную роль в освоении восточных от Северной Двины земель Пермских и Югорских. Предприимчивое купечество города поддерживало многих первопроходцев России, таких, как Ерофей Хабаров, проложивший путь к Амуру, Владимир Атлантов, достигший дотоле неизвестную Камчатку, Василий Шилов, открывший Алеутские острова и составивший карту этого архипелага. Могуч русский человек!

Краеведческий музей и Музей червления оказались закрытыми, но это не омрачило общего приподнятого настроения. Темнеет поздно, а мы все бродим по городу.

Утро следующего дня оказалось таким же дождливым. Знакомимся с шедеврами гражданского строительства. Каменные купеческие дома с фронтонами и изразцовыми печами, кованые решетки – всюду местные и приглашенные из Москвы, Ярославля и других городов мастера оставили потомкам богатейшее искусство. Великий Устюг издревле славился своими мастерами кузнечного, медного и серебряного дела, зодчими, резчиками по камню, дереву и бересте, позолотчиками, иконописцами. Процветало изготовление финифти и эмали. Устюжские керамисты создали свой особенный стиль в изразцовом деле. Славу городу принесли мастера-серебрянники, чему способствовало переселение в город новгородских мастеров после чудовищного разгрома Иваном Грозным Великого Новгорода. Эмаль по скани, пришедшая в город из соседнего Сольвычегодска, получила в Великом Устюге неповторимое своеобразие. С изделиями устюжских мастеров мы познакомились в том числе и в местных магазинах.

Для церквей Великого Устюга характеры скульптурные изображения святых, иногда тонированные. Запрещенная в Центральной России церковная скульптура продолжает процветать

на свободолюбивом Русском Севере. Татаро-монгольское иго его коснулось мало, хотя некоторые северные города, и в их числе Великий Устюг, платили дань татарским ханам. Мало коснулись этих земель и междоусобные войны, не одну сотню лет полыхавшие в Центральной Руси. Люди Севера в силу своего консервативного характера не склонны необдуманно перенимать иностранные новшества эти и многие другие особенности позволяют Русскому Северу не только создавать самобытное искусство, но и сохранить его до наших дней. Люди Севера отличаются от москвичей, скоропалительно и необдуманно перенимающих иноземное, часто не лучшее; основательный северянин не позволит навязывать себе чужое, противоречащее веками установившимся взглядам. Он пройдет мимо кричащей мишуры и не заметит ее.

К вечеру распогодилось, и появились два варианта времяпровождения – перебраться на противоположный берег Сухоны в Дымковскую слободу или съездить в Красавино, знаменитое своей льняной фабрикой.

Перебраться на противоположный берег реки в Дымковскую слободу туда и обратно за один день оказалось невозможно в связи с отсутствием постоянно действующей переправы. И я еду в Красавино.

Всю дорогу нас сопровождают гортанные крики речных чаек. Идет весенняя пахота, и птицы лакомятся легкой добычей. На местном рейсовом автобусе через 40 минут прибываем в Красавино. Красавинская фабрика, поставлявшая свою продукию в основном за рубеж, построена рядом с высоким откосом, составляя с ним единое целое. Красота окружающей природы определила название этого населенного пункта. Вся экономика поселка сосредоточена вокруг льняной фабрики. Ее изделий в центральном магазине не оказалось. Сам поселок невелик, его центральная часть застроена блочными пятиэтажными домами, навевающими скуку даже в сказочно красивом месте. А времени в обрез, с поселком поэтому знакомлюсь бегом, у автобуса этот рейс последний. Самым интересным в поездке было то, что от Красавина до Кировской области, где во время войны в эвакуации мы с братом спасались от московских бомбежек, было совсем близко, рукой подать.

К ужину на теплоходе я опоздала, и пришлось зайти в местное кафе, где была единственной женщиной и постоянно ощущала на себе удивленные мужские взгляды. Сидевший со мной за одним

столиком пожилой мужчина был приятно удивлен, узнав, что я, туристка с теплохода, посетила Красавино. Его окающая неторопливая речь ласкала слух, но пора возвращаться на теплоход.

На обратном пути в Вологду зеленые стоянки были организованы в тех местах, которые мы миновали в ночное время. Такое правило соблюдается на всех водных туристических маршрутах. На одной из стоянок молодой матрос с нашего теплохода, одетый во все иностранное, на высоком зеленом косогоре самозабвенно играл на гармонике и пел лирические русские песни. Русский человек и в иностранных штанах остается русским. И это пение матроса на природе, с его окающим говорком понравилось значительно больше, чем капустник в каюткомпании.

Непредвиденное обстоятельство заставило наше судно причалить около запани, одному из энциклопедистов срочно потребовалась медицинская помощь. Двое матросов отправились в ближайший поселок, за ними увязалась и я. До берега надо было прыгать по сплавляемым бревнам и делать это как можно быстрее, чтобы бревно не успело уйти под воду. Бежали, как на болоте по кочкам. Поселок лесозаготовителей находился на крутом берегу в двух километрах от места нашего причала. До него надо было тоже бежать, чтобы не отстать от матросов.

Местная больница находилась в обычной деревенской избе и состояла из одной больничной палаты для больных всех возрастов и полов, а также лаборатории и подсобных помещений. Туалет во дворе. Вот такая экзотика. Двое бородатых больных мужчин лежали на стоящих рядом кроватях, до лица закрытые чистыми простынями. При моем появлении в палате они даже не открыли глаз, продолжая лежать с закрытыми глазами. Врач в это время отсутствовал. Несколько пустых кроватей находились в коридоре. Там же – рукомойник и раковина с ведром под ним. Неожиданно появилась медсестра и без лишних слов незамедлительно выдворила меня за пределы больницы. Но я уже успела все осмотреть. Матросы получили необходимые медикаменты, и в том же темпе бегущей лайки мы взяли курс к реке. По дороге они просили меня не распространяться на теплоходе о больнице. Я выполнила данное им обещание, но теперь-то, по прошествии трех десятков лет, об особенностях этой больнице можно упомянуть.

От Красавина до Сольвычегодска совсем близко, каких-нибудь 50 километров. Нам бы хватило одного дня для ознакомления с этим уникальным городом.

НА ПЕЧОРЕ

Мне посчастливилось побывать в Печоро-Илычском заповеднике. Предварительно мы посетили Сыктывкар и Ухту. К особенностям Сыктывкара следует отнести то, что на его окраинах местные жители вместо собак держат медведей. Стоит рядом с домом бревенчатый сарай с открытой в сторону улицы дверью, забранной металлической решеткой. В проеме двери маячит медведь на цепи, встает на задние лапы, что-то жует и ждет от прохожих подачку. Хотя сарай и отгорожен от улицы массивной решеткой, ходить рядом с рычащим взъерошенным зверем удовольствие не из приятных. И пешеходы перебегают на противоположную сторону улицы.

В Ухте сели на местный самолет, так называемый «кукурузник». Ухтинский аэропорт запомнился своими гуманными порядками: балеты в первую очередь получают женщины с детьми, затем командированные, где женщины также пользуются преимуществом, и только потом все остальные. Летим низко, высота не более 500 метров. Самолет изрядно болтает. Под нами леса и леса – настоящее лесное море от горизонта и до горизонта. Островерхие ели образуют огромные массивы. Только зеленый лес, который пересекают многочисленные реки и речушки, и нет им числа. Зеленые ели кое-где расцвечены белоствольными березами. Над нами светло-голубое небо, и среди этой необъятной шири наш маленький кукурузник упрямо движется к цели, наклоняясь то на правое крыло, то на левое.

Трехчасовой перелет закончился в поселке Якша. Местный аэродром это очищенная от деревьев и кустарников обширная поляна, окруженная густым лесом. Изгнанные с поляны на время приземления самолета коровы тут же возвращаются на свои законные владения. Здание аэропорта только что отстроено из еще пахнущих смолой бревен. Все вокруг новое и все вызывает интерес.

В Якше находится опытная станция Печоро-Илычского заповедника, стоящая особняком от поселка. Несколько деревянных изб – музей, лаборатория, библиотека, подсобные помещения, жилье сотрудников станции. В одной из этих изб предстоит поселиться нам, к сожалению, всего на одну неделю.

Якша расположилась на обоих берегах Печоры, в этом месте уже широкой и многоводной. Магазин и аэропорт с домами

местных жителей – на правом берегу реки, опытная станция и баня – на левом. Мост через реку отсутствует, и жители переправляются на другой берег на своих лодках, напоминающих беломорские кочи. Однако они короче и уже, более компактны, на 2–3 скамьи, но тоже мелкие. Мне пришлось несколько раз переправляться на другой берег в таких лодках. Увидел, что кто-то из местных жителей тащит посудину к воде, тут же беги на берег и проси о переправе. Молчаливые жители Якши в этом никогда не откажут.

Находящаяся на нашем берегу поселковая баня топится два раза в неделю В так называемые «женские» и «мужские» дни. В бане идеальная чистота, просторно, пахнет смолистым деревом. Мужчины после мытья с мостков с разбега прыгают в воду. Крики, радостные возгласы, повизгивания... и вот уже несколько обнаженных тел барахтаются в Печоре.

В поисках молока я прошлась по Якше. Что за чудеса? Почти каждая хозяйка этого обширного поселка держит корову, а молока не купишь, оно не продается. Все молоко скупает ферма для выращивания молодняка. Это что-то интересное. И на следующее утро переправляюсь на противоположный берег, быстро покупаю хлеб, хорошо, что его своевременно привезли, и бегу на ферму. А ферма оказалась, к моему удивлению, лосиной. Обширная территория огорожена высоким плетнем. Отнятых в младенчестве от матерей телят вскармливают коровьим молоком и в течение двух лет приучают ходить в упряже. На зимнее время подросших лосят отпускают на волю в надежде на то, что к лету они вернутся на ферму. Но возвращаются не все, а некоторые из них на следующий год остаются в лесу.

Вторая, аналогичная якшинской, лосиная ферма существует под Костромой. Руководит исследованиями по одомашниванию лосей Вологодский научно-исследовательский институт ветеринарии.

Каждое утро двум лосятам полагается пятилитровая кастрюля молока. Лосята обступают придерживаемую работником посудину с двух сторон и жадно выпивают содержимое. В паре более сильный отпихивает своего соседа. Это несправедливо, второй теленок недоедает. В природе такая несправедливость не существует, так как лосиха обычно вскармливает одного теленка, и он всегда сыт. Кормить лосят – одно удовольствие. Их теплые пушистые мордочки тычутся тебе в грудь и в руки. Есть совсем несмышленыши, облизывающие пальцы, как соски.

Два дня пребывания в Якше пролетели незаметно. С директором опытной станции мы отправляемся на моторной лодке вниз по течению Печоры. К середине августа дикие утки уже встали на крыло.

Печора – река удивительная. Она течет то на север, то на юг, неторопливо приближаясь к Баренцеву морю, «плетет кружева» по бескрайним северным равнинам среди лесов и камышевых зарослей и разливается на обширных пространствах. Неисчислимо количество ее притоков, в том числе таких многоводных, как Илыч. Этот приток, давший название заповеднику, начинается на Среднем Урале, как и сама Печора, берущая начало с хребта Поясовый камень.

К вечеру достигли избушки – пристанища рыбаков и охотников, стоящей на высоком левом берегу. Печем картошку, едим ее е консервами, завариваем чай в оставленном в избе чайнике. Соль тоже оставлена, так заведено испокон веков, как и по всей Сибири. Кухонная посуда, соль, спички, заварка, если она есть, ведро для воды оставляют тому, кто придет в избу после тебя. Спим на нарах на сене, а с восходом солнца мы уже в лодке.

Через один из многочисленных притоков Печоры по упавшему мощному дереву на противоположный берег перебирается стая белок. Распустив свои роскошные хвосты-парашюты, они одна за другой, сохраняя дистанцию, перескакивая через сучья и не сбавляя скорости, грациозно делают последний прыжок перед приземлением. Мы, прильнув к биноклю, как завороженные, минут двадцать наблюдаем за этим необычным зрелищем. Даже директор опытной станции поражен, он впервые видит такое массовое переселение белок.

Утки летят низко, отъевшиеся за лето тела не позволяют им подняться выше. Мужчины с азартом стреляют. Убитых уток собираем с лодки, в густых зарослях приходится спускаться в воду. Сразив еще несколько уток, высаживаемся на поляну, окруженную высокими елями. Темнеет, темноту усиливает окружающий нас лес. Часы в поездку никто не взял, ориентируемся по солнцу. Разжигаем костер, закипает чайник. Из леса прилетела большая черная птица, мне показалось, что это был ворон. Мужчины, не сговариваясь, мгновенно вскидывают ружья и стреляют. Вот дурачье, чем им помешал ворон. Кажется, попали, ворон медленно побрел в сторону леса. Покалечили птицу, испортили ей крыло. Вот она, охота, вещь азартная. Моему гневу не было предела, похоже, что я переборщила. Мужчины как-то сникли и даже не оправдывались.

Спим в туристической палатке. Тепло. С рассветом отправляемся назад в Якшу, предстоит преодолеть большое расстояние, но уже против течения. Мне же нужно будет разделать дичь и приготовить из нее что-нибудь более-менее приличное.

Режим заповедника запрещает на его территории заниматься любой хозяйственной деятельностью, охота тоже запрещена. Поэтому мы и уплыли так далеко. Однако по берегам Печоры тут и там высятся копны заготовленного местными жителями сена. Перевозят сено в лодках, загрузив их до верха так, что со стороны лодку не видно. Кажется, что по реке самостоятельно плывет копна, часто против течения. Сотрудники опытной станции тоже нарушают режим заповедника, заготавливая дрова в неположенных местах. Для этой цели должна быть отведена определенная территория. Эти сведения я почерпнула в музее опытной станции Якши.

Для регулирования численности зверей сотрудники заповедника расставляют в лесу капканы. Меня предупредили: «В лесу ходи только по тропинкам и внимательно смотри под ноги. Иначе попадешь в капкан».

Какое же это блаженство после часовой прогулки по лесу облюбовать солнечную поляну, приземлиться на одинокий пенек и, не покидая его, добрые полчаса набивать рот спелой черникой. Лесная земляника тоже встречалась, но реже, лето приближается к концу.

Запомнилась местная жительница, мать-одиночка, имевшая в своем хозяйстве лодку, что даже на Севере встречается редко. У нее четверо детей от разных мужчин, в основном приезжих. Держит корову и кур, тем и живет. Причитающуюся ей пенсию на детей принципиально не берет: «Мои дети, сама их и выращу». Заготавливает с детьми сено для скотины, перевозит его на лодке, ведет огород. Ей лет сорок, не больше. Типичная независимая северянка с волевым характером. Один раз я с ней переплывала в ее лодке на противоположный берег. Среди местных жителей есть ссыльные, осевшие в Якше после отбытия наказания.

Неделя в Якше пролетела, как один день, и этот день был прекрасен, все представлялось в розовом свете. На летном поле, временно освобожденном от коров, опять загружаемся в кукурузник и летим в Сыктывкар. Круг замкнулся: Сыктывкар–Ухта–Якша–Сыктывкар. В тот же день в лайнере летим уже окончательно в Москву.

ПО ЕНИСЕЮ

Плавание по Енисею начиналось из Красноярска. Как и большинство сибирских городов, Красноярск вырос из острога. Казаки отряда Андрея Дубенского в 1628 году заложили город между руслом Енисея и устьем реки Качи. На вершине Караульного холма поставили сторожевую вышку. А в XIX веке на месте основания города была сооружена часовня (см. десятирублевую купюру России), первоначально город назывался Новый Качинск. Затем он был переименован в Красноярск, поскольку береге Качи вылечены разноцветными породами. Красноярск – город чрезвычайно интересный, с сибирской спецификой, но и со своей тоже. Красноярск – родина художника В.И. Сурикова, в доме, где он родился и жил, создан мемориальный музей. В городе бывали писатели А.Н. Радищев, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, адмирал С.О. Макаров, изобретатель радио А.С. Попов. В нем останавливался покоритель Севера норвежец Фритьоф Нансен. Интересны Краеведческий музей города и памятные дома декабристов В.Л. Давыдова, М.Ф. Митькова, М.А. Фонвизина и других, которые после отбытия каторги здесь поселились. В Красноярске была открыта первая в России уездная библиотека.

На правом берегу Енисея видны зубчатые скалы, это Такмак – каменный страж на границе заповедника. «Край причудливых скал», «Страна каменных великанов» – так называют это место. Первое упоминание о знаменитых Енисейских Столбах в литературе относится к XVIII веку, хотя местное население давно о них знало. Красноярский рудознатец Прохор Селезнев писал: «Зело превелики и прекрасно сотворены скалы. Токмо попасть туда трудно. Пожалуй, правду говорят, что даже в других землях не увидишь такое. И залести на сии скалы никто не сможет и какие они – неизвестно». Только в 1851 году была покорена вершина Первого Столба. С тех пор скалолазание для красноярцев стало любимым видом спорта. Они первые обули обыкновенные калоши, до сих пор широко используемые в скалолазании.

Путь к Столбам пролегает среди живописной горной тайги. Многочисленные реки и ручьи прорезали глубокие долины, на водоразделах высятся скалы, сложенные розово-красными сиенитами – изверженными породами, пробившими известняк. Под воздействием воды, ветра и перепадов температуры они приняли

причудливые формы. Каждому Столбу народ дал меткое название: Дед, Львиные ворота, Второй Столб, Третий Столб, Перья. Академик В.А. Обручев, посетивший Столбы в 1906 году, с восторгом отзывался о них.

Столбы являются колыбелью скалолазания, здесь начинали свой путь многие известные альпинисты страны. Местные скалолазы и нам продемонстрировали преимущества отечественных калош при взбирании на один из столбов без какой-либо страховки. По дороге к Столбам мы побывали в живом уголке, больше похожем на зоопарк, где обитают в основном прирученные животные.

Теплоход «Александр Матросов» в день отплытия был украшен флагами расцвечивания, вся команда выстроилась на палубе. Звучит марш «Прощание славянки». Местные жители машут нам с пристани, туристы в ответ машут красноярцам. Раздается команда: «Убрать якоря». – «Есть убрать якоря», и теплоход медленно отчаливает.

Енисей – одна из крупнейших рек нашей страны и мира. Его недаром называют Голубой Меридиан, свои стремительные воды он несет почти с юга на север. До последнего времени не утихали споры о том, какая река основная, а какая является притоком. Ангара впадает в Енисей или, наоборот, Енисей впадает в Ангару, поскольку объем воды обеих рек при слиянии почти одинаков. И только тщательное изучение русел этих рек позволило однозначно отдать предпочтение Енисею.

И еще одна особенность Енисея, скорее, даже не самой реки, а наших о ней знаний. Исток Енисея был установлен сравнительно недавно, около пятидесяти лет назад, после основательного обследования многочисленных рек и речушек на границе с Монголией. Недаром говорят, что «белые пятна» на карте мира еще существуют. То ли Большой Енисей, Бий-Хем, дает начало Енисею, то ли Малый Енисей, Ка-Хем. Это напоминает поиски истока Амазонки, установленного лишь в начале XX столетия. Предпочтение отдано Большому Енисею, Бий-Хему, протекающему по территории России, в то время как один из истоков Малого Енисея, Ка-Хема, берет начало на территории МНР. Истоком Енисея следовало бы считать Ка-Хем, поскольку Малый Енисей длиннее Большого Енисея.

Еще одна особенность Енисея: его долина, простирающаяся с юга на север, резко разделяет местность. Слева от реки

расположена низменность, справа – преимущественно возвышенности, на которых берут начало реки, составляющие основной водозабор Енисея. Эти реки имеют причудливую форму, некоторые из них резко меняют направление, иногда на прямо противоположное, изгибаясь под углом до 180° (Курейка, Мойера, Хета). Вот по какой интересной реке, делящей Сибирь на Западную и Восточную, нам предстоит путешествовать.

Мы плывем от Красноярска до Дудинки. Поскольку в четырехместной каюте я оказалась самой молодой, то и расположилась на верхней полке. Мои соседки-москвички – милые женщины, но с мазями против лесных клещей они явно переусердствовали. Приходилось спускаться с верхней полки вниз, так как нечем было дышать. Наша каюта четвертого класса в трюме, рядом с моторным отсеком. Одно утешение – в ней мы только спим, а вся активная жизнь проходит на палубе.

Основной костяк туристов составляли жители Красноярска и москвичи, большинство из которых – уже много повидавшие люди. Были семейные пары, были и дети всех возрастов. Каждый день зеленые стоянки, которые позволили ознакомиться со всеми достопримечательностями Енисея и его окрестностей. Наибольшее удовольствие – делать зарядку на палубе перед побудкой, когда все еще спят. Свежий воздух, волшебные запахи тайги и удивительная, какая-то звенящая тишина (к работе двигателя быстро привыкаешь). Такое не забывается, на палубе ты одна. Зарядка кончалась бегом: 5 кругов по 400 метров вокруг палубы, и по всему телу разливается легкость. Были бы крылья – полетела бы. Из рубки высовывается полусонное лицо вахтенного: «Опять ты тут носишься?» – «С добрым утром. Присоединяйся, побегаем вместе». Только за одну эту возможность делать зарядку на палубе двигающегося судна полюбишь поездки.

Первая стоянка в устье реки Усть-Питы, где мы побывали в сибирской тайге и получили исчерпывающие сведения о ее флоре и фауне. Из эндемиков видели дикий голубой ирис и Венерин башмачок. Комары при этом не дремали, попили же они нашей крови. А из моей щеки вынули клеща на теплоходе, что привело в замешательство соседок по каюте. Они еще активнее стали мазаться своими пахучими снадобьями.

Русло Енисея изобилует порогами. К первому из них, Стрелковскому, нас подготовили заранее. Если в рубку поднялся капитан – жди водоворот или пороги. Для капитана проход порогов

всегда испытание, надо провести судно строго по форватеру. В таких случаях за штурвал встает сам капитан, а отдыхающие и обслуживающий персонал, все до единого, высыпают на палубу и наблюдают за действиями капитана и команды под комментарии сведущих людей.

Кроме порогов Енисей богат водоворотами, которые могут засосать небольшое судно и разбить его о дно. Много покорителей Сибири разбилось на каменных порогах и в водоворотах этой своенравной реки, много русского народа погибло. И если пороги явление постоянное, то водовороты меняют свое местоположение. Надо отдать должное нашему капитану, все опасные места были им с честью преодолены. Даже низовые щеки в районе Подкаменной Тунгуски наш капитан прошел мастерски, а их прохождение требует сверхювелирной проводки судна.

Первый крупный приток Енисея Подкаменная Тунгуска река чрезвычайно порожистая, унесшая жизни не одного первопроходца. Ее устье возникает неожиданно, тайга резко обрывается и открывается широчайшая водная гладь. Картина незабываемая – после близко подступающей к урезу воды тайги перед тобой возникает широчайший плес. Ты будто попадаешь в иной мир, таков контраст. Подкаменная Тунгуска, далеко простирающаяся на восток, величественно и плавно вливается в Енисей. Но это кажущееся спокойствие. В этом месте на реке работает выстроенная под водой ГЭС – в то время единственная в мире подобного типа. Интересно было бы на ней побывать, но на секретные объекты туристов не приглашают.

Старинное село Верещагино – деревянные дома, глухие заборы из мощных бревен, на улицах деревянные мостки. Идешь по ним, а они под ногами пружинят. Женщины в платках шалашиком, мужчины встречаются реже. Народ крепкий и добротный, с румянцем во всю щеку.

На зеленых стоянках можно купаться, но вода везде холодная. Как только начинают опускать трап, наша четверка отрывается от остальных в поисках укромного места. Длительность стоянки (4–5 часов) позволяла удалиться подальше от тёплохода и вволю насладиться общением с природой. Купались без купальников. Одна из нас «стоит на стреме», не дай Бог, забредет особа мужского пола. Блаженство! Окунешься, немного поплаваешь, пофыркаешь от удовольствия – и на берег. Даже на теплоход не хотелось возвращаться. А какие поляны на таких стоянках! Травы

нетронутые, изумительный запах, на горизонте темно-зеленая тайга, высоко в небе яркое солнце. Где мы? На Земле или на другой планете?

Доплыли до Нижней Тунгуски. В ее устье расположен город Туруханск, примечательный как место ссылки политических заключенных в царские и в советские времена. Нижняя Тунгуска река очень порожистая, погубительница многих покорителей Сибири, а Туруханск – одно из старинных русских поселений, сыгравший важную историческую роль в заселении и освоении енисейского севера. Это типичный сибирский город с крепкими деревянными избами и глухими заборами. Его особенность – так называемый «молодежный район» с жилищами, названными «бунгало». Вновь образовавшаяся семья строит себе временное жилище из всего, что попадется под руку – бревен, фанеры, обрезков досок, кусков кровельного железа, деревянных ящиков и т.д. Вокруг нового жилища валяется мусор, никем не убираемый. Такое бунгало позволяет молодоженам быть независимыми и пережить период накопления средств для строительства добротного дома в соответствии с устоявшимися традициями. Представляют интерес туруханские гаражи, сложенные из мощных бревен. Из таких бревен дом под Москвой редко увидишь.

А куда можно съездить на личном автомобиле? Единственная дорога длиной в 9 километров ведет в местный аэропорт. Но, как говорится, чтобы все было, «как у людей», и автомобиль, и гараж.

А вот и Курейка – место последней ссылки Иосифа Сталина, обладавшего неуживчивым характером. Он не смог сосуществовать в одной избе с Яковым Свердловым. В небольшом музее идеальная чистота и минимальное количество мебели: две металлические кровати с пружинными матрасами, покрытые у И. Сталина одеялом из шкур белого кролика, у Я. Свердлова – одеялом из шкур серого кролика, стол, деревянные табуреты, небольшой шкаф, рукомойник, керосиновая лампа, на столе стопка книг. В целом вполне сносные бытовые условия. Удобства, естественно, во дворе, как и по всей Сибири.

Продавщиц магазина в Курейке можно пожалеть, они не успели к нашему приезду запереть двери. Две перепуганные молоденькие девушки жмутся по углам единственного в магазине зала, а в это время многочисленные туристы снимают с полок товар, рассматривают его, примеряют, не обращая внимания на продавщиц.

Снаружи магазина стоит еще толпа туристов, стремящихся в него попасть. Мы с соседкой по каюте первыми вошли в магазин и приобрели по мужской рубашке. Обнова оказалась долгожительницей и выручала меня в продолжении нескольких лет.

Выстроенный в довоенное время Музей политзаключенных находился в полуразрушенном состоянии и зарос крапивой. Памятник И. Сталину, что стоял на высоком берегу Енисея, местные власти в период разоблачения культа вождя сбросили в реку. Потом спохватились, бронза ведь, пытались его найти, но было уже поздно. Бурное течение Енисея сделало свое дело.

Вечномерзлотный грунт обладает рядом особенностей. Стою на берегу, любуясь Енисеем, и замечаю, что мои ноги постепенно погружаются в песок. Вытаскиваю одну ногу, все в порядке, нога и босоножка целы. Вытаскиваю вторую ногу – босоножки нет, она осталась в песке. В июле вечная мерзлота продолжает оттаивать, и ноги проваливаются в жижу. Делаю из этого факта вывод: на одном месте нельзя долго стоять, Сибирь и летом заставляет двигаться.

На теплоходе оказалось много интересных людей, и среди них поэт В. Величкин. Скучать не приходилось, вечерами устраивали танцы на корме, днем – зеленые стоянки, подготовка к празднику Посейдона, ко дням рождений и т.д. В каюту спускаешься обессиленная и уже не обращаешь внимания на запахи от мазей.

Енисей на 66°33' северной широты делает крутой изгиб, дважды пересекая Полярный круг. И встреча с Посейдоном вылилась не просто в праздник, а во всеобщее ликование. Туристы разоделись как кому хотелось, костюмов хватило всем. Куролесили всю ночь. Перед этим праздновали встречу Енисея с Ангарой, и опыт проведения подобных мероприятий уже имелся. Посейдон властным голосом повелел воды не жалеть, все были мокрыми с головы до пят. Владыка морей, самый толстый турист, восседал на бочке с трезубцем в руке, окруженный своими служанками-русалками, богатырем Енисеем, красавицей Ангарой, морскими чудищами, Подкаменной Тунгуской и белым медведем. Капитану теплохода был торжественно преподнесен символический ключ от Заполярья, а всем туристам – Почетные грамоты. За этим последовал торжественный ужин, плавно перешедший в ранний завтрак.

На следующий день Енисей привез нас в Игарку. Выстроенный на вечной мерзлоте город выглядит необычно, поставленные

на сваи дома покосились, но еще не падают. Огромный порт Игарки, прекрасно оборудованный, окружен многочисленными эллингами. В городе находится Институт мерзлотоведения, изучающий влияние вечной мерзлоты на строительство и сельскохозяйственные растения. Интересно его возникновение. Один из местных жителей решил докопаться сквозь вечную мерзлоту до незамерзающего грунта. Прокопав с десяток метров, любознательный человек не нашел такого грунта. Но его трудами распорядились ученые: расширили и углубили колодец, послойно снабдили мерзлоту необходимыми приборами и ведут за ней постоянные наблюдения. Спустившись по деревянной лестнице на 25 метров, мы подробно ознакомились с этим явлением – вечной мерзлотой. А поднявшись на поверхность, уже не удивлялись покосившимся зданиям и коммуникациям, вынесенным на поверхность земли.

Игарку называют «морскими воротами Восточной Сибири». Здесь ежегодно перерабатывают миллионы тонн леса, переплавляемого по Северному морскому пути в разные районы страны и за рубеж. Город и порт Игарка предположительно были названы по имени некоего Егорки. Они построены в годы первой пятилетки. 20 июня 1929 года сюда прибыли первые строители, а уже в 1931 году поселок Игарка был утвержден городом. Игарку неоднократно посещал Отто Юльевич Шмидт, изучавший север страны и Северный Ледовитый океан; в городе поставлены памятники морякам-полярникам и воинам-игорчанам, сложившим свои головы в Великой Отечественной войне.

Следующий город Дудинка с ее огромным речным портом. Енисей здесь разливается очень широко, со слов нашего капитана, от берега до берега 8 километров. «А. Матросов» шел по середине реки, стояла великолепная погода. Все туристы высыпали на палубы, загорали в шезлонгах, играли за столами, любовались сибирской природой... В это время в небе появился сторожевой ястребок, они и раньше летали над теплоходом, мы ведь уже плывем в пограничной зоне. Метров за пятьсот до встречи с теплоходом ястребок резко снизился и пролетел почти рядом с верхней палубой. Потом быстро набрал высоту и скрылся за горизонтом. Подлетел ястребок со стороны кормы, поэтому не все его заметили. Надо было видеть, как всполошились отдыхающие. Никто не мог предполагать столь рискованного маневра со стороны пилотов. Из кают выбегали туристы с криками: «Что случилось?

Неужели началась война?». Подобные возгласы раздавались на всех палубах. И никто не удосужился разглядеть бортовые знаки ястребка. Я же запомнила только то, что самолет был двухместный и в застекленной кабине находились два пилота. Знатоки военной техники (среди нас были и такие) долго обсуждали произошедшее и сходились на том, что со стороны летчиков это был очень рискованный маневр. Можно себе представить, как пилоты потешались над нами, беззащитными пассажирами. Капитан тоже высказал предположение, что молодые пилоты решили позабавиться, люди зрелого возраста себе такого не позволят. Произошло это в нескольких километрах от Дудинки.

Вечером предстояла поездка в Норильск. Значение этого города для нашей страны объяснять не надо. На вокзале Клавдия Ивановна, моя соседка по каюте, занялась просветительской деятельностью: «Вот группа мужчин, это нганасаны». И мы осторожно, чтобы не слышали окружающие, шепотом обсуждаем особенности этой народности. Лицо плоское, круглое, монголоидного типа, волосы жесткие и темные. Рост средний и выше среднего. Внешне они напоминают жителей Поднебесной, но в профиль нганасаны отличаются от китайцев слегка ястребиным носом и более воинственным выражением лица. Теперь и я могла в толпе выделить нганасана. В стране их осталось немного. По переписи населения в России в 2002 г. их насчитывалось всего 834 человека.

От Дудинки до Норильска чуть больше 100 километров, но мы ехали всю ночь. Одноколейная дорога от постоянных снежных заносов с обеих сторон огорожена глухими заборами. Четырехвагонный поезд идет медленно. Вместе с туристами (нас 200 человек) едут и местные жители. Поезд часто стоит в тупиках, пропуская встречные поезда с грузом. Первая остановка, и все дружно выпрыгивают в тундру. Светло, неяркое солнце висит над горизонтом, белые ночи, настроение приподнятое. Местные с упоением рассказывают, как они в тундре «охотятся» на птиц. Беспомощных линяющих пичуг, которые летать не могут и спасаются только бегством, берут голыми руками, сворачивают им шею и складывают в сумки. Простояв с полчаса, поезд двигается дальше. Во время следующих остановок мало кто выходил в тундру, все дремали, а местные жители с их кровожадной охотой нас перестали интересовать.

Норильск – небольшой и очень компактный город. Его центральную часть украшает бульвар, где несколько чахлых березок,

привязанных к деревянным кольям, чтобы противостоять сильнейшим ветрам, окружены островками невысокой травы. С ветрами, морозами и снегопадами борются и строители. Дома поставлены так, чтобы образовался замкнутый круг, в центральной части которого ветра ослабевают. В городе есть прекрасный Дворец спорта с бассейном и крытым катком, функционирующий круглогодично. Есть скотный двор с двадцатью коровами, весь год питающимися привозным сеном. Молоко от них предназначено только больным детям. Все остальные продукты завозные. Зимой по улицам можно пройти, только держась за толстые канаты, ветер со снегом так силён, что если выпустить канат из рук, то можно заблудиться. Нередки случаи, когда двухэтажные дома засыпает снегом вместе с крышами.

В наш приезд в городе было +18°С, норильчане загорали на крышах домов, некоторые женщины принарядились в открытые сарафаны. На следующий день температура снизилась до +2°С. И тем не менее некоторые жители обзавелись дачами в окрестностях Норильска и Талнаха, его спутника, который мы также посетили. Это дорогое удовольствие, поскольку все стройматериалы тоже завозные.

Моя сотрудница Наталья Илюхина рассказывала, что ее отец, репрессированный политзаключенный, работал в подземных шахтах Норильска в кандалах. В шестидесятые годы прошлого столетия его освободили, и только в девяностые годы об этом можно было говорить.

На улицах Норильска шла бурная торговля пищевыми продуктами, в основном дефицитными консервами – сгущенным молоком, говядиной тушеной, консервированными овощами и фруктами. Жители Дудинки и Красноярска сделали большие приобретения Ко всеобщему удивлению, в награду к покупкам полагался консервированный зеленый горошек, бывший в то время в стране большим дефицитом.

В кинотеатре мы смотрели документальный фильм о приезде в Норильск президента Канады Трюдо с супругой. Норильск и один из городов Канады, кажется, Монреаль, были городами-побратимами. Под мерный храп туристов, разомлевших от бессонной ночи и счастья, привалившего с приобретением дефицитных товаров, молодой, энергичный и легкомысленный президент знакомился на экране с городом. Посетил пищевые предприятия, отметил шампанским и лобзаньями свою вторую свадьбу с молодой супругой,

побывал на хоккейном матче местных молодежных команд и поздравил с чем-то норильчан. Фильм длился более часа, но этого оказалось мало. И только после продолжительного звонка туристы с трудом вернулись в бодрствующее состояние.

Обратный путь из Дудинки в Красноярск был отмечен стоянкой в старинном селе Селиваниха, достопримечательности которого полностью соответствовали селу Верещагину. Краеведческого музея в селе нет, магазины оказались закрытыми, и было решено отправиться в местный аэропорт. Вскоре выяснилось, что путь туда долгий, можно опоздать к отплытию, и все повернули на теплоход. Развлечения на «А. Матросове» остались прежними, основное из них – наблюдение за действиями капитана и команды при прохождении водоворотов и порогов. Отношение команды к нам, туристам, заметно изменилось, матросы стали более разговорчивыми и даже принимали участие в увеселительных мероприятиях.

Старинное село Ярцево – еще одно сибирское село с той лишь особенностью, что в пяти километрах от него расположен зверосовхоз. Несмотря на строгое распоряжение капитана не брать с собой детей, первыми в две грузовые машины забрались вездесущие мальчишки. Зверосовхоз оказался солидным предприятием, помимо клеток с чернобурыми и рыжими лисицами, норками и белками он имел выделочный и дубильный цеха. Продукция зверосовхоза славится во всем мире. Для меня стало новостью, что чернобурая лисица выведена человеком и в диких условиях не встречается. И еще новость: помесь рыжей и чернобурой лисиц сиводушка высоко ценится за густой мех и необычность окраски.

В Ярцеве кончается ветка железной дороги, протянутая от Красноярска. Далее на север можно попасть только водным путем по Енисею. Вблизи Ярцева находится устье реки Сим. Именно эту реку планировалось соединить с одним из притоков Томи и так создать единую водную систему между Обью и Енисеем. Столь гениальные идеи посещали И. Сталина во временя сибирской ссылки. Они частично были воплощены в Волго-Балтийском канале. Но какая польза для народа и страны от такого соединения? Строительство канала между Обью и Енисеем, оснащенного шлюзами, уже начинали, да война помешала. И слава Богу, а то опять закопали бы в землю народные деньги вместе с людьми.

Енисейск, расположенный на левом берегу реки, большой индустриальный город. Его здания, выстроенные из железобетонных

блоков (как жилые, так и промышленные), делают город малоинтересным. Основанный в 1619 году, Енисейск является одним из старинных сибирских городов. В XVII–XVIII веках он сыграл важную роль в освоении русскими Восточной Сибири. С ним связаны имена Н.А. Бегичева, О.С. Макарова, Х.П. Лаптева, С.И. Челюскина и других землепроходцев и путешественников. Из Енисейска Семен Дежнев и Витус Беринг уходили в дальние северные походы. В городе отбывали ссылку декабристы – братья Н.С. и П.С. Бобрищевы-Пушкины, А.И. Якубович, М.А. Фонвизин и другие. В Краеведческий музей города мы по какой-то причине не попали.

Следующая остановка в Лесосибирске. Само название указывает на то, что в городе сосредоточены предприятия по переработке древесины. Создан он на базе нескольких сел, что хорошо заметно по районам города. Один район, бывшее село, кончается, потом начинается другой район, также бывшее село, а между ними незастроенная территория. Промзона, как таковая, отсутствует, жилые дома соседствуют с деревообрабатывающими предприятиями, что создает в городе захламленность. Надо отметить, что большинство сибирских городов не отличается чистотой. Сибирь живет по своим законам, с размахом, не обращая внимания на опрятность улиц. Жемчужиной Лесосибирска является речной порт, настолько он красив и хорошо оснащен. Здесь грузы с железной дороги переваливают на речные суда для доставки их на север. По экспорту лесоматериалов Лесосибирск занимает второе место в России после Архангельска.

Наша последняя стоянка – в районе села Язвино. Накрапывал дождь, на берег сошли единицы. Было грустно и от испортившейся погоды, и от предстоящего расставания с Енисеем. Сойдем с теплохода в Красноярске и попадем в иной мир. Вместо гомона ребятишек, постоянно снующих по всем трем палубам, голосов родителей, разыскивающих своих чад, раскатистого хохота капитана, равномерной работы двигателей, ни с чем не сравнимой утренней зарядки, плеска воды, бьющейся о борт, мы окунемся в шум города с автомобильными гудками и скрежетом тормозов. Будем постепенно забывать плавание по Енисею на теплоходе «Александр Матросов». Но главного никогда не забудем: величия и красоты Енисея и восторга перед этой изумительной рекой. И счастья, что тебе это удалось увидеть. Это еще один праздник, «который всегда с тобой». И в глубине души – восторг

и преклонение перед своей Родиной и перед тем, что именно тебе выпало счастье родиться на этой земле, в России.

В Красноярске нам, четырем москвичкам, предстояло пробыть еще один день, чтобы посетить Красноярскую ГЭС и Дивногорск. Капитан любезно разрешил переночевать на теплоходе. Местная электричка привезла нас в дивный город, полностью оправдывающий свое название. Расположенный на левом высоком берегу Енисея, он стремительно взбирается вверх, оставляя среди домов нетронутыми сосны, лиственницы и лохматые сибирские березы. Между домами проложены тропинки, улицы в обычном понимании отсутствуют. Крупнопанельные дома украшают многочисленные балконы и лоджии, ходить по городу одно удовольствие.

Недалеко от Дивногорска построена Красноярская ГЭС, удивительно изящная, считающаяся самой красивой ГЭС в мире. Только находясь на ней, ты понимаешь, что плотина, перекрывшая Енисей, и обводной канал со шлюзами – грандиозные сооружения. Издали же все кажется миниатюрным. Внутрь турбинного отсека нас, четырех человек, не пустили, а примкнуть к организованной экскурсии не удалось из-за отсутствия таковой.

На Енисее сооружены еще Минусинская и Саяно-Шушенская ГЭС. К ним стоит добавить подводную ГЭС в устье Подкаменной Тунгуски, Усть-Хангайскую ГЭС в районе Снежногорска, что севернее Игарки, и присовокупить две ГЭС на Ангаре – Богучанскую и Среднеенисейскую. Не много ли ГЭС для одной водной системы? Сколько затоплено леса, сколько дикого зверя и рыбы лишились мест обитания. Экология ухудшилась, польза для человека всегда сопровождается нарушением природного равновесия и, в конечном итоге, нарушением среды обитания самого Homo sapiens.

Возвращались опять на электричке, которая почему-то не торопилась ехать и постоянно останавливалась. В Красноярск вернулись затемно, спали прекрасно, так как двигатели прекратили свою многодневную работу. Завтра уедем в Москву. Увижу ли тебя когда-нибудь еще, красавец Енисей?

ЛЕНА

Плавание по Лене начиналось от Усть-Кута. Возник вопрос о том, куда лететь, в Иркутск или в Братск. Перевесил Братск, поскольку расстояние от Братска до Усть-Кута меньше, чем от Иркутска. Рейс «Москва–Братск» заканчивался поздним вечером, и в связи с отсутствием гостиницы пришлось переночевать, а вернее, пересидеть в местном аэропорту.

Чуть забрезжил рассвет – занимаю очередь в кассу. Здесь, как и в Ухте, действовал неписаный, но разумный закон, и я приобрела билет на первый рейс. За время полета отдохнула от вездесущих комаров. Высадились мы в аэропорту Усть-Кута, он же речной порт Осетрово, он же – первая железнодорожная станция Байкало-Амурской магистрали Лена. До города и даже до речной пристани меня довезли на газике бородатые молчаливые геологи.

Капитан теплохода «Александр Попов» критически осмотрел первого своего туриста, после чего сказал, что судно еще не принято санитарно-эпидемиологической станцией. Но для меня он сделает исключение. Говорил капитан сибирским говорком на «о» и растягивал слова: «Ты, вот что, иди в моторный отсек, займи каюту рядом с движком. Сиди тихо, из каюты не выходи, не светись, а то мне плохо придется».

Как же было приятно после бессонной ночи оказаться в полутемной каюте и спать, спать. Но такое блаженное состояние длилось недолго. На следующий день рано утром в каюте появилась еще одна туристка, главный в нашей стране специалист по металлургии. Недавно она опубликовала книгу по этому вопросу, и начался ее продолжительный и подробный пересказ. Все так хорошо начиналось, и вот, на тебе, приходится слушать главного металлурга страны с его же комментариями. Металлург со сползшими на глаза очками, в плотно обхватывающей голову косынке (замучили головные боли) монотонным голосом посвящала мена в премудрости отечественной металлургии, почти прижав к стене. Еще немного, и я поступила бы как герой рассказа А.П. Чехова «Юбилей». Сославшись на необходимость выйти, я улизнула их каюты и не возвращалась туда до появления на теплоходе новых туристов.

Окончательно устроилась я на верхней палубе в двухместной каюте. Соседкой оказалась пожилая интеллигентная милая женщина из Москвы.

В Краеведческом музее Усть-Кута нас познакомили с животным и растительным миром Западного Прибайкалья, историей Усть-Кута и, конечно, со строительством БАМа. Много экспонатов было посвящено Семену Дежневу. Одна из москвичек долго не могла успокоиться: «Почему в музее нет фотографии Дежнева?», чем поставила экскурсовода в затруднительное положение. В книге «Город Якутск (Якутское книжное издательство, 1987 г.) указано: «Дежнев Семен Иванович, 1605–1673 – русский землепроходец и мореход. В 1638 г. прибыл в Якутск (после того, как был изгнан купечеством из Великого Устюга за ушкуйничество. – *Л.Р.*). Записался в качестве казака. Осенью 1640 г. ездил по Амге и Татте, затем основал средневилюйское зимовье. В 1640–1641 гг. Дежнев ходил на р. Яну, в Верхнеянск, на следующий год на Индигирку, затем на Алазею и Колыму. В 1648 г. отправился в поход на восток, в результате которого была открыта восточная оконечность Азии, ныне мыс Дежнева. Позже служил на реках Вилюй, Оленек, Индигирка и Яна. Казачий атаман с 1665 г. Был женат на якутке по имени Абакаяда. Их сын Любим также много ездил по Якутии. По постановлению СНК ЯАССР от 9 ноября 1948 г. бывшая Иркутская улица Якутска названа его именем».

Туристы на теплоход прибыли со всех концов нашей необъятной страны. Среди них много прибалтов. Были художники и деятели театра, народ разнообразный и интересный.

Лена, когда-то полноводная в верхнем течении, о чем напоминает название порта Осетрово, сейчас стала мельче, и осетры здесь уже не водятся. В начале своего пути на Ленско-Ангарском плато Лена немноговодна, основные питающие ее притоки начинаются с Киренги. Наиболее полноводные из них Витим, Кара, Олекма, Алдан. После резкого поворота реки на север в нее вливается Вилюй. В конце пути река образует огромную дельту, глубоко врезающуюся в море Лаптевых. Лена избежала участи других сибирских рек, на ней не построено на одной гидроэлектростанции, хотя на ее притоках выстроены Мамаканская и несколько Вилюйских ГЭС. Первая питает энергией разработки золота на Бодайбинке, вторые – разработки алмазов в районе города Мирного.

Наступило торжественное отплытие теплохода, звучит марш «Прощание славянки». Теплоход украшен флагами расцвечивания, асфальт причала расписан цветными рисунками. «А. Попов» дает три прощальных гудка, и наше путешествие началось.

Утром рано, чтобы не разбудить соседку, бесшумно слезаю с верхней полки и делаю на палубе зарядку, о которой мечтала со

времен плавания по Енисею. Несколько кругов бегом по палубе в пределах 1,5-2 километров, нехитрые упражнения, обливание водой, и мне снова 18 лет.

Палуба постепенно заполняется туристами. Любуемся необычными пейзажами за бортом. Берег то рядом с нами, и можно рассмотреть каждое дерево, то далеко отстает от нас, и тогда более явственно видны сами берега. Глина кирпичного цвета, глина серая, отмели золотистого песка – все меняется на глазах и все это на фоне голубого безоблачного неба, Погода нам благоприятствует на протяжении всего маршрута, воистину Якутия – солнечная страна.

Вскоре образовалось общество единомышленников: две сестры, родившиеся в Бодайбо, амбициозная сотрудница Госкомитета по науке и технике из Москвы, молодой комсомольский функционер из Иркутска, очаровательная двадцатипятилетняя особа, которую прочили на роль вожака комсомола БАМа, я и время от времени примыкавшие к нам другие туристки. Цели наши просты – насладиться природой республики и получить максимум удовольствия от поездки.

На судне есть два пианино и зал для пинг-понга. Обслуживающий персонал состоит из одних мужчин. Гарсон отдал мне все пинг-понговые шарики, и я становлюсь крупным авторитетом на теплоходе. Вечерами собираемся у инструмента, у кого есть голоса, поют. С девяти часов вечера на корме организуется дискотека. Прибалты танцуют отдельно от остальных туристов.

По дурной привычке, от которой ничего не имею, кроме неприятностей, я становлюсь старостой коллектива из двадцати человек. В одной из кают на верхней полке разместился руководитель хора из Таллина, на нижней – художник Булкин из Риги. Художник имел обыкновение вечерами растирать краски, при этом руководитель хора на своей полке изнемогал от резких запахов, и оба они приходят к старосте с жалобами друг на друга.

Первая стоянка в Киренске. Помимо реки, разделяющей город на две неравные части, он еще разделен большим озером – довольно мелким, но судоходным. В Киренске работают несколько машиностроительных заводов. И это позволило мне приобрести канистру для бензина, тогда большой дефицит в Москве. Когда я появилась на палубе «А. Попова» с двадцатипятилитровой эмалированной канистрой, удивлению окружающих не было предела. А мне ведь пришлось на катерке перебраться на

противоположный берег озера. Многие туристы тоже захотели обладать таким богатством, но теплоход уже давал прощальные гудки. Большинство туристов купили в городе обновы. Этот факт не остался не замеченным нашей поэтессой:

Киренск, славен будь вовек –
Оделся здесь наш человек.

Достойны сострадания сосланные в Киренск декабристы (по какой-то причине Музей декабристов мы не посетили). Город в половодье регулярно затопляется, и связь между его районами прерывается на длительное время. Какая была необходимость основать город в столь неудобном месте, где один из районов находится на острове? Фактически получился не один, а по меньшей мере три разобщенных друг с другом города. Но в Сибири свои соображения. Нам, живущим в благоприятных климатических условиях, порой трудно понять сибиряков. В Киренске к нам присоединились новые туристы. Незадачливые ленинградцы вместо Усть-Кута, начального пункта маршрута, прилетели в Якутск. Пришлось им догонять нас на местном самолете.

Лена становится все шире, чаще меняются пейзажи за бортом. Со времен плавания по Волго-Балтийскому каналу любимым моим занятием стало забраться в капитанскую рубку и беседовать с рулевым. Особый интерес составляет изучение лоцманской книги, в которой отражен весь форватер. Ведение судна по створам это целое искусство. Рулевой неизменно с удовольствием рассказывает, как он это делает.

Речных птиц мало, зато рыбы в изобилии. Повара каждый день готовят новые рыбные блюда – уха простая, уха двойная, рыба жареная, рыба отварная, салат с рыбой или открытый рыбный пирог.

Вечерами проходят интересные мероприятия. «Родной город» требует от участников с чувством рассказать о своём городе и спеть о нем песню. В этом конкурсе победила мурманчанка обладательница прекрасного голоса. Отличился также житель Усть-Кута, убедительно и артистично изобразивший Семку Дежнева. Вывернув наизнанку пиджак наподобие тулупа, надетого на голое тело, его Семка пришел к осетровским купцам с такими же бродягами, как и сам. И требовал, именно требовал, а не просил снарядить несколько легких судов на восток. Эта красивая легенда не

оставила равнодушным ни одного зрителя. Как все это было преподнесено, сколько вложено мастерства и фантазии!

Или вечер семейных пар. На теплоходе оказалось несколько пар молодоженов, были и более зрелые пары. Они охотно согласились поведать, где и как познакомились, рассказали о смешных историях, случившихся с ними в медовый месяц, исполняли песни на родном языке. Жюри конкурса состояло из аккордеониста, капитана нашего судна и актрисы преклонного возраста из Ленинграда. Победили юные молодожены из Эстонии.

Началась подготовка к празднику Нептуна. Все делалось незаметно для посторонних глаз, готовили сюрпризы.

От проплывающих за бортом пейзажей глаз оторвать невозможно. Много песчаных отмелей, между ними и коренным берегом вода хорошо прогревается. Этакий лягушатник, прекрасное место для купания. Цветет багульник. Несмотря на километровое расстояние, Лена стала еще шире, ветер доносит до нас божественное благоухание. Тот лжебагульник, который в конце зимы продают в Москве, ничего общего не имеет с настоящим багульником – невысоким хвойным кустарником. Хвоинки у него темно-зеленого цвета, длинные и мягкие, мелкие цветки собраны в небольшую кисть. Запах багульника описать невозможно, его ни с чем не спутаешь.

В июне день длинный, мы не расходимся по каютам до часу-двух ночи. Все давно перезнакомились, ложиться спать не торопимся, живем вне времени.

В устье Витима – зеленая стоянка на целых шесть часов. Сбегаем в купальниках по трапу на зеленую траву, скорее бы скрыться от посторонних глаз. Километра через четыре находим прогретую лагуну и кидаемся в воду. Купание в обнаженном виде несравнимо ни с чем и не похоже на купание в купальниках. Одна из нас стоит на стреме. Через полчаса на горизонте появилась фигура Булкина с мольбертом и красками в руках: «Давно хочу узнать, зачем вы убегаете так далеко». Но мы уже в купальниках, лежим на песке, загораем и наблюдаем за двумя хищными птицами, парящими в небе. В следующий раз скроемся от Булкина подальше.

Предстоящим утром должно решиться, поплывем мы по Витиму или нет. Уровень воды в нем постоянно меняется в пределах нескольких метров. Все с нескрываемым волнением ожидают, что скажет капитан. «Ну, вы, вот что. Воды много, плывем в Бодайбо». Везет же нам! И с глубиной Витима, и с погодой. Первая

остановка в устье реки Мамы. В ее долине находятся золотодобывающие прииски, но наибольшее значение имеют алебастровые разработки. В поселок Мамакан не едем из-за дефицита времени.

Мамаканская ГЭС – это настоящее чудо человеческих рук и природы. Ее створ проходит в узком и глубоком ущелье шириной не более 15 метров, отработанная вода водопадом сбрасывается в Витим. Отполированные до блеска гранитные створы, фонтаны брызг, бурлящая вода, освещенная ярким солнцем, создают феерическое зрелище, сопровождаемое водяной какофонией. Сказочная картина усиливается бликами алебастра, здесь и там мерцающими под лучами солнца. Дивная игра природы! Захотелось петь, танцевать, прыгать на плотине, предаваться безумству. Чтобы услышать друг друга, все начали громко кричать, а потом и петь. Спонтанно возник танец первобытного человека.

В Бодайбо мы посетили Краеведческий музей. Экскурсовод почему-то не хотел ответить на мои вопросы относительно отсутствия в Музее экспозиции, посвященной коренному населению, в том числе тунгусам. «Их, тунгусов, осталось очень мало» – «Почему?» – «...».

– «Тунгусы веками жили на своей земле и были довольно многочисленны. Александр Сергеевич Пушкин их упомянул в своем знаменитом стихотворении: «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус...». Где же теперь тунгусы? Что с ними стало?» Эти вопросы остались без ответа, как и вопрос о рекультивации долины Бодайбинки после работы в ней драги. Эти монстры так перелопатили долину реки, что на ней не осталось ничего живого, ни деревца, ни кустика. А сама река оказалась расчлененной на отдельные ручейки, ее русло окончательно уничтожено. Картина ужасающая, такого не увидишь и в страшном сне. После тотального перелопачивания золотоносных слоев землю предусмотрено рекультивировать. Теперь же по новой технологии требуется повторное промывание золотоносных слоев. Рекультивацию если и проведут, то только после вторичной переработки. С давних времен шаманы предупреждали свой народ тунгусов, чтобы они не прикасались к блестящим камням и бежали от них как можно дальше. Камни эти принесут тунгусам зло. Шаманы были провидцами.

По переписи населения 2002 года никто из наших граждан не записался в тунгусы. Но существуют эвенки, которые в царской России назывались тунгусами. Экскурсовод из бодайбинского музея этого, видимо, не знал. Согласно переписи 2002 года в России их было 95 тысяч человек.

Сооружение высотой с двухэтажный дом, драга, предназначено для единого процесса – выкапывания грунта, его промывания и сбора золота под одной крышей. Каждая драга охраняется нарядом вооруженных милиционеров. Этакое чудовище, вызывавшее у туристов только отрицательные чувства. Слово «драга» на теплоходе превратилось в банальное ругательство. Золота, добытого путем надругательства над природой, нам не надо, в этом вопросе мы не патриоты. Земля рекультивирована только в поселке Бодайбо, грунт выровнен и кое-где посажены деревья.

Остальное пространство, а мы проехали на автобусах в один конец более пятидесяти километров, выглядит безобразным, как зона в известной кинокартине Андрея Тарковского «Сталкер».

Сестры с нашего теплохода, родившиеся в Бодайбо, не смогли мне показать ни одного тунгуса. Экскурсовод на мой вопрос отделывался ничего не значащими отговорками. Он познакомил меня с директором музея. Тот громогласно зыкнул, и стало понятно, что выяснить у него что-либо о местном населении при всей моей напористости не удастся. Стало также понятно, что партайгеноссе часто зыкает на слишком любознательных туристов, чтобы сразу закрыть тему местного населения.

В центре Бодайбо стоит монументальное здание в три этажа, с вывеской «Ордена Ленина объединение Лензолото». Центр поселка заасфальтирован, остальные дороги грунтовые, и за нашим автобусом тянулся могучий шлейф пыли.

Мы побывали на месте расстрела ленских рабочих в 1912 году. На высоком постаменте установлен обелиск, его горельеф изображает рабочих с высоко поднятым знаменем. На мраморной доске надпись: «Вечная память Ленским рабочим, жертвам расстрела 4/17 апреля 1912 года, павшим за дело рабочего класса». Ниже выбиты имена павших, их не менее 250 человек.

Уезжала я из Бодайбо со щемящим чувством жалости и тревоги за уничтоженную долину Бодайбинки. Не проведут там нужной рекультивации, господам-товарищам нет дела до таких мелочей. Лишь бы хапнуть, урвать у природы, а там хоть трава не расти. Лет через 100, а может быть, и позже, на месте поруганной долины вырастут деревья, река вновь пробьет русло, появятся звери и птицы, возродится рыба. Но это уже будет не прежняя Бодайбинка. Река так и останется изувеченной на долгие годы, как одноногий солдат, у которого никогда не вырастет потерянная нога. А каково людям, живущим в этих местах? Они видят, что можно изувечить

их родную природу ради мешка золота, и никто тебя за это не накажет. С молчаливой природой можно обращаться как угодно. Вот они, истоки перестроечных настроений: бери от природы все, набивай карманы. Мне представляется, что каждый человек, занятый добычей природных ресурсов, должен как минимум дать клятву Гиппократа: «Не навреди» и свято ее выполнять. Почетный пчеловод Москвы и поэт, экс-мэр столицы Ю.М. Лужков снова выдвинул идею о повороте рек Сибири с целью торговли водой. Он забыл, или не знал, что люди – не боги, им не дано мыслить в масштабе целого континента, а в конечном итоге, в масштабе всего земного шара. Слишком много факторов влияют на земные процессы, которые пока учесть невозможно. Достаточно вспомнить современную историю Аральского моря. Воды Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, его основных питающих рек, были использованы для полива огромных пространств с целью получения больших урожаев хлопка. И море умерло, ему уже не возродиться.

Началась тайга с многочисленными очагами пожаров. Нас успокаивали тем, что основным источником возгорания является слюда. Она ведет себя как увеличительное стекло, от чего загорается мох, а за ним и деревья. Но надо думать, что и человеческий фактор причастен к возникновению пожаров. На месте выгоревших хвойных пород сосны и лиственницы подрастают скороспелки-березы, древесина которых не идет ни в какое сравнение с хвойными породами. С пожарами никто не борется, тайга гибнет, а местные власти бездействуют.

Город Ленск, бывшая Мухтуя, стоит на высоком левом берегу Лены. Туристы получили 20 минут, чтобы пробежаться по городу, осмотреть мемориал и крытый торговый центр. Городские дома старого образца это здания из массивных бревен, с нависающими крышами, типичные сибирские дома. Есть и современные здания из бетонных блоков, но выглядят они как-то несолидно, ни к месту.

В 10 часов собираемся у пристани, где уже стоят четыре автобуса Ликинского автомобильного завода, ЛИАЗы. Получаем сухой паек (обедать будем в пути) и отъезжаем по единственной в округе дороге прямо на север. А эта округа по площади превышает такие государства, как Швейцария или Болгария. Едем медленно, грунтовая дорога с многочисленными выбоинами, время от времени один из автобусов ломается, водитель с помощником начинают его ремонтировать. Туристы тем временем заполняют остальные три автобуса до предела. Потом ломается другой

Памятный камень в честь основания г. Белозерска

Белозерск

Памятник Петру I
в Петрозаводске

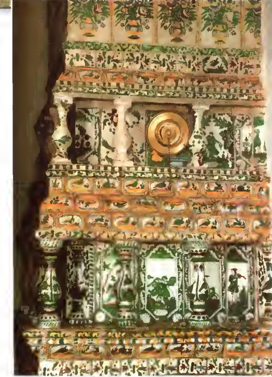
Остров Валаам. Монастырская бухта и Преображенский собор

Центральный ансамбль памятников Кижского погоста

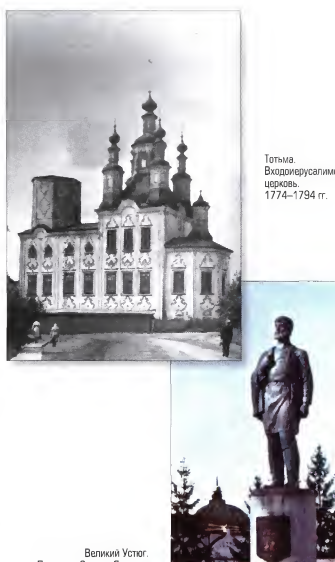
Вид Вологды в XVII веке. Старинная гравюра

Монумент 800-летия Вологды

Вологда.
Дом-музей Петра I



Вологда.
Изразцовая печь
в палатах Иосифа
Золотого.
Конец XVIII в.



Тотьма.
Входоиерусалимская церковь.
1774–1794 гг.

Великий Устюг.
Памятник Семену Дежневу

Ученики Васинской средней школы. Выпуск 1953 г. В центре — Нина Ивановна Афанасьева

Васинский пруд со сливом

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Красноярск.
Памятник Василию Сурикову

Заповедные «Столбы». Скала «Дед»

Красноярская ГЭС

Братская ГЭС

Якутск.
Ленский острог,
давший начало
современному
Якутску

Якутск. Институт мерзлотоведения Сибирского отделения Российской Академии наук

Алгабас. Конники вернулись из похода

Лосиха на отдыхе

Знаменитые Ленские Щеки

Затертые во льдах.
Теплоход «Тарас Шевченко». Ладога. Май 1974 г.

Вилюйская ГЭС

Праздник Нептуна на теплоходе «Александр Попов»

Всемирноизвестные Ленские Столбы

Работа воды и песка. Камень материнской породы, найденный в русле реки Родовки

автобус, и так в течение всего пути в 350 километров. Отремонтированный автобус догоняет авангардную машину, и происходит очередное перераспределение туристов. Сделали короткую остановку на обед, костер не разжигаем – некогда. Заедаем обед голубикой, растущей тут же. Впереди у нас долгий путь.

На строительство дороги «Ленск–Мирный–поселок Чернышевский» по морям, заболоченным лесам на вечной мерзлоте были потрачены огромные средства, как денежные так и людские. Каждый километр такой дороги обошелся в несколько миллионов рублей. Но алмазы уже окупили эти затраты. Недоезжая пятидесяти километров до Мирного, в зоне отдыха установлена памятная стела с именами погибших при строительстве этой дороги, их пятьдесят человек.

Шаманы и здесь предостерегали местное население, чтобы они избегали голубой глины, она принесет якутам несчастье. На теплоходе из обширной литературы мы узнали о том, как в Якутии были обнаружены алмазы, конкретно, кимберлитовые трубки наподобие трубок в Южно-Африканской Республике близ города Кимберли. Существовало предположение, согласно которому эти трубки находятся между Вилюем и Леной. Несколько лет горные породы между Вилюем и Леной тщательно изучали геологи, но все безрезультатно. Но наконец алмазы были найдены несколькими геологами, в том числе Попугаевой. Она обратила внимание на лису, вылезшую из норы с голубой глиной на шкуре. Вновь начались геологические изыскания, на этот раз подтвердившие наличие кимберлитовых трубок. Все эти исследования проводили в строгой секретности. Даже начало разработки первой трубки было засекречено. «Закурили трубку» – так начиналась телеграмма в Москву. Раньше туристов возили в поселок Чернышевский, где живут алмазодобытчики и где располагалась уникальная в то время Вилюйская ГЭС. Почему же нам так не повезло? Ее посещение в нашем маршруте не числится.

К 23 часам, насквозь пропыленные, мы достигли поселка Березовка, где нас ждали манная каша и чай. Проглотив еду, некоторые из нас вышли из Дома отдыха, места нашего ночлега. Небо над нами черное-черное, и огромная луна сияет, как медный таз. По всему небу разбросаны звезды небывалой величины. Ничто не нарушает первозданную тишину, собак нет.

Территория зоны отдыха не освещается, мы сидим на качелях, сделанных из автомобильных покрышек, и медленно раскачиваемся.

Утром отремонтированные автобусы отвезли нас в Мирный. Знакомимся с городом и посещаем Музей алмазов, вернее, его лабораторию. Сотрудник лаборатории не стал сообщать уже известные нам сведения, а продемонстрировал кроме голубых глин другие горные породы, сопровождающие алмазы. Случилось так, что в лаборатории я осталась одна. Тогда-то и узнала, что в настоящее время разрабатывается только одна трубка, а разведано уже более 28. Только после выработки эксплуатируемой трубки приступят к разработке следующей, такова стратегия. Разработка одной трубки занимает не менее 10 лет. Так что наша страна будет обеспечена алмазами не менее чем на 280 лет, почти на три столетия. Благодарю сотрудника лаборатории за полученные сведения, которые он мне сообщил после того как узнал, что я из семьи геологов, и бегу к автобусу. Мы едем на разрабатываемую кимберлитовую трубку.

Любопытных просят не беспокоиться, покажут и расскажут ровно столько, сколько нам полагается знать. Территория разработки огорожена глухим забором и колючей проволокой. Представьте себе площадь раза в три больше спортивного стадиона, в виде конуса уходящего в глубь земли на 300–400 метров. Это и есть кимберлитовая трубка. После предварительных шурфов верхние слои трубки метр за метром снимают и отправляют на обогатительную фабрику, расположенную тут же внутри ограды. Выработка проникает в землю все глубже, ее пологие склоны по мере надобности оснащают спиралью дороги и столбами для подачи электроэнергии. 25-тонные самосвалы подают породу на ленту обогатительной фабрики, на ней установлен строгий осмотр работающих, обязателен душ перед работой и полное переодевание в спецодежду. Такая же процедура, только с переодеванием в свою одежду, сопровождает уход с работы. При появлении в глубине трубки вредных газов в нее опускают вертолет для вентиляции воздуха. Эти технологические приемы нам были продемострирированы в лаборатории по телевизору.

Возникает естественный вопрос: «Что произойдет с кимберлитовой трубкой после ее выработки?». В данном случае затронуты глубокие слои земли, а не только поверхностные, как при добыче золота. Последствия могут быть более катастрофичными. Эти оспины на теле земли должны быть засыпаны и тщательно утрамбованы, иначе грунт может провалиться, что чревато печальными последствиями. Ответа на эти вопросы я

не получила. Если же выработанные кимберлитовые трубки не будут засыпаны, то в них со временем образуются озера, глубокие и ядовитые.

Первые жители Мирного жили в так называемых «засыпках» – жилищах, похожих на землянки, но мало углубленных в землю. Современный город застроен комфортными зданиями, дороги заасфальтированы. В магазинах – обилие товаров, дефицитных в то время в Москве. В центре установлена эмблема города стела Алмаз.

Обратно до Ленска мы доехали в сопровождении эскорта машин ГАИ, и автобусы уже не ломались.

Проплываем географические объекты с местными названиями. Вот несколько названий на букву Ы: Ытымджа, Ытыяхтях. Далее следует Пеледуй (город), Мурья, Ботомай, Иннях и Дельчай (поселки), Эргоджей и Полыдджилах (реки).

Длительная зеленая стоянка в районе поселка Тинная предвещает много интересного. Молодые люди, плохо говорящие по-русски, ловили в речушке какую-то не ведомую нам живность. Желтый песок на берегу Лены переливается разноцветными камнями, на откосах распустились оранжевые сибирские лилии – даурии. Берег Лены скалистый, лагун для купания не видно. Булкин с мольбертом скрылся на высоком берегу среди стройных сосен и первозданной травы. Один из матросов сообщает, что ниже по течению реки есть поселок Чапаев. Мгновенно собралась компания из 5–6 человек и отправилась в поселок. Попрыгав полчаса по прибрежным камням, мы добрались до устья Уры, сплошь заваленного погибшими деревьями. Карабкаюсь по мокрым стволам, обдирая руки и коленки. Достигнув противоположного берега Уры, констатирую, что мои спутники не рискнули перебраться через завалы. До поселка не более трех километров, успею дойти до него и вернуться обратно на теплоход. Справа от меня – высокий берег Лены, слева – первозданная сосново-лиственничная тайга. И ни души, ни человека, ни зверя. Впереди аккуратно уложенные свежеструганные доски желтые, как вареный желток. На них сидят два иссиня-черных ворона, значительно крупнее наших подмосковных. Мгновенно замираю, не спугнуть бы птиц, и медленно, осторожными шажками приближаюсь к ним. До птиц осталось всего 50 метров, уже 45 – вороны не шелохнутся. Только подняла ногу, как птицы, словно сговорившись, легли на крыло. И низко, почти касаясь земли,

полетели в тайгу, при этом медленно, как бы нехотя взмахивая крыльями и гортанно перекликаясь.

Магазин в поселке оказался открыт, и я накупила много вещей, полный пакет ширпотреба. Ежегодно в половодье поселок затапливается, и предусмотрительные жители выстроили новый поселок подальше от реки в двух километрах от пристани. В нем тоже есть магазин, в следующий раз доберусь и до него. А сейчас пора возвращаться. Назад иду тем же путем и по дороге встречаю семейную пару с теплохода, не поленившуюся одолеть завалы Уры.

На следующее утро нас ожидает Олекминск, небольшой своеобразный северный город. Он расположен на 51-м градусе северной широты (Москва – на 56-м градусе). Непосредственно от пристани начинаются деревянные тротуары, под ногами скрипящие и прогибающиеся. На главной улице города привлекают внимание дома скопцов, когда-то высланных в Сибирь с насиженных мест Средней полосы России. Срубленные из мощных бревен, с нависающими крышами, они – настоящие убежища от зимних холодов и снежных бурь. Строили их домовитые хозяева. Городские здания почты, магазинов и административных учреждений блочной постройки не обещают нужного тепла в продолжительные суровые сибирские зимы. Город пересекают несколько оврагов, через которые проложены добротные деревянные мосты. На улицах попадаются только грузовые машины, частных автомобилей и гаражей нет. Город основан почти одновременно с Усть-Кутом, в 1632 году. Олекминск считается центром сельского хозяйства среднего течения Лены. Его украшают православная церковь, памятник центросибирцам и мемориал декабристов.

Население города приветливое, многие говорят на «о». Как и в других городах Сибири, люди сюда приехали на временную работу. Пожилых людей не видно, после достижения пенсионного возраста они возвращаются домой, на материк. Строить новое жилье для вновь прибывшей рабочей силы слишком дорого, и продукты питания тоже недешевы, учитывая дорогостоящий завоз. Детей оставляют на материке с бабушками и дедушками, родители с ними видятся один раз в году во время отпуска.

Чем ближе к Якутску, тем чаще слышатся разговоры о Ленских Столбах. Правый берег Лены и берега ее притока реки Синей – вот места нахождения этого уникального природного явления.

Ленские Столбы предстали перед нами на следующее утро. Стоим на палубе в изумлении, забыв обо всем, глаз оторвать не

можем. Чудо чудное сотворила природа. Не видя Столбов, трудно понять о чем идет разговор. Все мы, наподобие жены библейского Лота, остолбенели. Целое созвездие средневековых замков возникло на берегу перед глазами. А вот голова льва огромных размеров, голова тюленя, профиль сказочной птицы, окаменелый лес, заготовка для гиганта-каменотеса. Можно бесконечно долго фантазировать на тему этих дивных Столбов, возвышающихся вдоль Лена на несколько десятков километров. Кирпичного цвета, желтые, серые, разных оттенков разнообразные фигуры перемежаются зеленью тайги, создавая ощущение неземной красоты.

Начинаем подниматься на смотровую площадку. Пологий вначале подъем скоро становится крутым. Карабкаемся по корням деревьев, подтягиваемся на руках, помогая при этом друг другу. Наконец мы на плоской крыше одного из замков. Внизу под нами течет величественная Лена, за ней до самого горизонта бесконечная тайга. Воздух, напоенный неповторимым ароматом багульника, настолько прозрачен, что можно различить мельчайшие подробности. Натяни струну, и она сама зазвенит. Настроение у всех эйфорическое, будто тебе сообщили радостную весть, от которой жизнь изменилась в наилучшую сторону. «Радость безмерная, нет ей причины» – такое состояние трудно передать словами. Захотелось перед величественной природой упасть на колени.

Еще раз порадовавшись тому, что ты здесь, на Лене, среди дивных Столбов, мы собрались было спускаться, как на тропе показались сначала чьи-то руки, а потом голова и туловище. Пожилая актриса из Ленинграда одолела-таки подъем. Вот это настоящая ленинградка! «Хоть сзади, а в своем стаде» – прокомментировала она свое восхождение.

Спуск оказался легким кавказским серпантином. С трудом поднявшиеся на вершину получили награду в виде панорамы Столбов и Лены. Спуск кончался «украшенной елью», деревцем, увешанным разноцветными ленточками и тряпочками. Так бывшие перед нами туристы по местным обычаям отреагировали на красоты Лены.

Утро следующего дня началось с известия о том, что Столбы закончились, и мы их снова увидим только на обратном пути. Преобладают местные географические названия, часто труднопроизносимые: Балаганнах, Сяннахтах, Исит, Кытыл-Дюра, Улахан-Ан, Булгунняхтах, Бестях, Мохеголлох. Они говорят о том, что ты в другой стране, с другими обычаями, иным жизненным укладом, иной историей, где люди изъясняются на своем гортанном языке.

Выходим на пристани поселка Покровское на очередную зеленую стоянку. Купание не предполагается, мы находимся в районе Якутска с многочисленными населенными пунктами. Покровское запомнилось своей сельскохозяйственной станцией, самой северной станцией такого типа в Восточной Сибири. Ее малочисленный персонал пытается вывести морозоустойчивые сорта яблонь, смородины, клубники и овощных культур путем скрещивания с близкородственными местными видами. Но природа плохо помогает людям, гибриды не хотят расти на вечной мерзлоте. Покровское находится на 62-м градусе северной широты, что соответствует широте Петрозаводска. Архангелогородцы, живущие на широте 64-го градуса, постоянно выращивают картофель, а особо старательные и клубнику. В Восточной Сибири такое невозможно, гибриды не перезимовывают в лютые морозы, а картофель не успевает вызревать.

В Покровском находится Дом-музей Серго Орджоникидзе, сосланного сюда в царское время вместе со своей женой Марией.

Стоящий у причала катерок стал объектом нашего внимания. Семья аборигенов, неплохо говорящая по-русски, пригласила нас к себе в гости, напоила чаем с вареньем из голубики, а мужчины за знакомство опрокинули по чарке. Хозяева все лето живут на катере, ловят рыбу и торгуют ею. На ветру полощется выстиранное белье. Больше всего запомнились улыбки этих милых людей, их детские, какие-то первобытные, без тени лукавства лица. Дай им, Создатель, здоровья и богатого улова.

Булкин в кают-компании устроил выставку своих картин. Он оказался замечательным пейзажистом, все сюжеты узнаваемы: Мамаканская ГЭС, устье Витима, устье Уры. Не было только Ленских Столбов, их ошеломляющая красота и необычность требуют более глубокого осмысления. Некоторые туристы заказали у него копии картин.

Якутск можно назвать современным городом. В его центре преобладают блочные 4-хэтажные здания. Встречаются дома на сваях, но они редки. Вечная мерзлота не благоприятствует асфальтированию дорог, летом они покрываются трещинами и выбоинами. В связи с промерзанием грунта коммуникации вынесены на поверхность, приходится их обходить или перешагивать через них. Лужи на земле и дорогах – обычное явление, не зависящее от погоды. Влага возникает при размерзании нижних слоев грунта, что создает неопрятный вид на улицах. Босоножки

не самая удобная обувь для летнего Якутска. Часам к двенадцати асфальт нагревается, в городе становится жарко, но к вечеру температура быстро снижается.

В столице Якутии много фирменных магазинов, торгующих изделиями местных мастеров из оленьих шкур, из кости, национальной одеждой и обувью, ювелирными украшениями и многим другим. На окраине Якутска, как и во многих других городах автономии, неизменным является острог – бывшая крепость, которым часто начинался сам сибирский город и в котором содержались ссыльные. Мощные бревенчатые стены, наблюдательная вышка, глухой забор обязательны для острога. В Краеведческом музее, гордости каждого сибирского города, был выходной день. Утешились мы созерцанием скелета кита, выставленного под навесом, визитной карточкой музея, и телебашней. Посетили Православную церковь и Дом расстрелянных политических заключенных.

На улицах с лотков продают овощи и фрукты, цены на них запредельные. Румяная продавщица в телогрейке смачно хрустит зеленым помидором. «Вкусно?» – «Очень вкусно. Давно не ела. Хотите?». Для сравнения московская цена зрелых помидоров тех времен 70 копеек за килограмм, якутская – 13 рублей за килограмм зеленых. Разница между ценами в 20 раз. Основной поставщик витаминов для якутов в зимнее время – сырая рыба и дикий лук, в изобилии растущий на бескрайних просторах Сибири.

Собак в городе мало, у них забитый вид, как у всех сибирских собак. Кошек почти не видно, их трудно кормить, а мыши не переносят суровые сибирские зимы. Насекомых тоже мало, лето в этих краях слишком коротко. Поэтому и птиц немного. Птицы в основном перелетные, на зиму улетающие в теплые края. Край суровый, и люди в нем суровые. В национальном эпосе якутов «Олонхо» рассказывается о людях-богатырях, и это закономерно, только богатыри способны существовать в подобных экстремальных условиях.

Разговорчивым якутский народ не назовешь. Сложилось впечатление, что он затаил обиду на русских пришельцев. Центральная площадь столицы вечерами заполняется коренными жителями, и только мужчинами. Они молча стоят по периметру площади, повернув головы в сторону административного здания. От такого зрелища становится не по себе. Жить в Якутии не хотелось бы.

Речной порт Якутска оснащен современной техникой, через него проходят основные грузы, необходимые обширным пространствам автономии. Все здесь привозное – продукты питания, строительные материалы и техника, автомобили и остальные товары.

Местное название Лены Улахан-Юрях (Большая Река). Река не просто большая, а величайшая, входящая в десятку наиболее крупных рек мира. Ее длина – 4400 километров, она берет начало из небольшого озера на западном склоне Байкальского хребта на высоте 930 метров. В последние годы студентами МГУ были обследованы реки, впадающие в это озеро (сообщение радио «Свобода»). С учетом длины самой протяженной из них длина Лены увеличивается на несколько десятков километров. По ее берегам растут даурская лиственница, кедровый стланик, кедр, ель, сосна и другие ценные породы деревьев. В первые века нашей эры в Якутии стало развиваться оленеводство, связанное с приходом предков эвенков. В X–XV веках центральные районы Лены были заселены предками якутов – скотоводческими тюркскими племенами, пришедшими сюда с юга Прибайкалья и частично ассимилировавшими местное население. Следы древнейшего человека в Якутии относятся к верхнему палеолиту, его стоянки обнаружены на Средней и Верхней Тене и в долине Алдана. В эпоху неолита люди расселились по всему течению Лены, ее притокам и другим рекам автономии. В 1630 году Якутия вошла в состав Российской империи (Мостахов С.Е. Река Лена. – Якутск, 1972 г.; Муранов А.Н. Величайшие реки мира. – Л., 1968).

Одна из особенностей плавания на туристических теплоходах это то, что обслуживающий персонал, несмотря на запрет, берет с собой в путь членов семьи. В начале пути их – детей, жен и любовниц – не видно, речной устав не разрешает находиться на судне посторонним лицам. Родственники тихо сидят по каютам, редко по палубе пробежит ребенок и тотчас скроется, как в кинокартине А. Тарковского «Солярис». Возвращается теплоход назад, и обездвиженные дети все чаще появляются под иллюминаторами кают. А потом вливаются в коллектив туристов. Приближался праздник Нептуна, и дети нам были очень нужны в качестве многочисленной свиты владыки морей и рек и для цыганского табора.

Все туристы занялись подготовкой к этому празднику. Прибавилось работы и у лентяя-баяниста, которого запечатлели в частушке:

Баянист у нас хороший,
Баянист у нас огонь.
Два куплета поиграет,
И в футляр кладет гармонь.

На теплоходе у баяниста оказались двое детей и жена. Возникшие как бы из ниоткуда жены, долго сидевшие в добровольном заточении, демонстрировали на дискотеке умопомрачительные наряды, чем внесли свежую струю в настроение мужского населения теплохода.

Особо надо сказать о закатах на Лене. Солнце садится медленно, не торопясь. Светило огромных размеров, раза в два больше подмосковного, окрашивает небо в разнообразные тона от лимонно-желтого до багрово-красного. Попадется на его пути облако, светило не пожалеет красок, разукрасит и его в розовый цвет. И пойдут по всему небу от облака розовые разводы. Через какое-то время краски меняются, и так на протяжении сорока-пятидесяти минут. Игра света и цвета завораживает. Будто великан водит по небосводу огромной кистью, смешивает краски и меняет оттенки. Таких закатов, как на Лене, нигде больше не увидишь. Потом долго сидишь на палубе, зябко кутаешься в куртку и мысленно видишь игру красок на уже почерневшем небе.

Стоянка Чуран-база запомнилась остатками острога, заросшими кислой красной смородиной, и бескрайними полями дикого лука. Машина-водовозка заправляется водой из Лены. С разрешения радушного водителя забираюсь в кабину, потеснив двух якутят. Через пять километров езды по полям, заросшим цветущим диким луком, мы приезжаем в деревню с тем отличием от русской деревни, что мусор здесь не убирают. Деревня разбросана на нескольких холмах, соединенных грунтовой дорогой. Неопрятные деревянные дома обнесены деревянными же заборами. Я зашла в один из домов, хозяева которого якуты, плохо говорившие по-русски, были заняты своими делами и на меня не обращали никакого внимания, будто меня и не было. В доме холодильник, телевизор, кирпичная печь. Пять километров обратного пути до пристани по дороге из желтого песка в окружении цветущего лука прошагала, не заметив. На Лене такой чистейший звенящий воздух, что не чувствуешь усталости.

Стоянка в устье реки Мачи было омрачена неожиданно испортившейся погодой. Дождь-не дождь, скорее густой туман плотной

пеленой накрыл берег и окрестности. Туристы босиком бродят по прибрежному песку, большинство же проводит время в каютах.

На следующее утро мы остановились в устье Витима. Булкин, выполняя заказы туристов, с головой ушел в размножение собственных пейзажей. Уже не искал натуры, не преследовал купающихся, и нам удалось вдоволь насладиться плаванием в Лене.

Следующий день оказался знаменательным – Лена одарила нас еще раз, и очень щедро. Теплоход пересекал знаменитые Ленские Щеки, находящиеся в 237 километрах ниже Киренска. Река стремительно несет свои воды сквозь узкий каньон, делая S-образный поворот. Трехсотметровые отвесные скалы со всех сторон окружают бурную реку. Каждый поворот каньона это гладкая вертикальная поверхность, в течение многих веков отполированная бурлящей водой. С коллосальным напором вода стремительно несется сквозь узкую щель в горах, пенится, создает водовороты. Каково было первопроходцам, тому же Семену Дежневу, попавшим в объятья неласковой воды! Одна из Щек (средняя) называется Пьяный Бык. Русский купец, везший на своем судне домашний скарб и скотину, в каньоне потерпел аварию. Быка отнесло к Щеке, несколько раз ударило об отполированную поверхность и понесло дальше. Пострадал не один этот купец, много таких смельчаков погибло в каньоне. Щеки – самое коварное место на Лене. Когда наш «А. Попов» проходил каньон, все до одного человека высыпали на палубу и с замиранием сердца наблюдали за борьбой капитана с взбесившейся водной стихией. Временами казалось, что еще секунда и теплоход коснется до блеска отполированной поверхности Щеки. И тогда судно завертит, как щепку, и будет вертеть, отбрасывая от одной Щеки к другой. Но наш капитан оказался настоящим асом. Теплоход вышел из каньона без единой царапины, хотя шел против бурного течения.

Группа туристов во главе с капитаном взобралась на Щеки обозревать окрестности. В горах на самой высокой точке установлен маяк, и к нему проложена тропа. Обзор Щек сверху производит не меньшее впечатление, чем с теплохода при прохождении каньона. Напористый бег воды через S-образное горло сопровождается невообразимым шумом, долетающим на трехсотметровую высоту.

Отполированные до блеска поверхности Щек – это огромные наглядные пособия по стратиграфии. И все это в первозданном виде, не тронутом рукой человека. Чудесна наше природа! Чудесна наша Россия!

Приближается день Нептуна. На теплоходе нарастает напряжение. После прохождения Киренска при наступлении темноты останавливаемся на пустынном берегу и разжигаем костры. Среди них торжественно восседает владыка рек, морей и океанов Нептун в окружении своих чад чертенят. Разукрашенные до неузнаваемости полуголые босые дети кувыркаются, валяются на песке, всячески угождая отцу-батюшке и его коронованной супруге. Красавицы-русалки с лентами в волосах, в купальниках или набедренных повязках исполняют морской танец. «Купать их!» – призывает водяной владыка. И вместе с режиссером (на теплоходе оказался режиссер-профессионал) дети приступают к выполнению своей основной обязанности, обливая всех без исключения водой их шланга.

Цыганский табор – вот где разыгралась народная фантазия. Монисты – всего лишь значки, приклеенные к моей футболке, с пятикопеечную монету дешевые серьги, на бедрах цветастый платок, в руках ребенок (завернутая в тряпье кукла). Все пригодилось для нарядов, и платки, и простыни. Мужчины, переодетые в женскую одежду, – «пессимист» с соответствующим плакатом на груди, «оптимист» с улыбкой до ушей, бабка с клюкой, балерина в марлевой юбке, цыганка с усами. Царит первобытное веселье, цыганские песни сменяются плясками. На комаров никто не обращает внимания. «Купать их!» – в очередной раз зычным басом повелевает Нептун. И дети великого Нептуна обливают цыганский табор водицей из Лены.

Это было не просто безудержное веселье, это было всенародное единение. На мокром песке, облитые с ног до головы, мы плясали до упаду, пели под аккордеон частушки, играли в салочки, бесились, как дикие люди после удачной охоты. Так пассажиры «Александра Попова» прощались с Леной. На память о путешествии по Лене всем туристам были вручены дипломы, заверенные капитаном.

На следующее утро невыспавшиеся путешественники поехали на поезде из Усть-Кута до ближайшей остановки по недавно сооруженному участку БАМа. Проложенная в тайге одноколейка проходит через бескрайние мари, взбираясь с возвышенности на возвышенность, с моста на очередной мост. Строившие эту дорогу люди достойны всяческих почестей и уважения.

Город Братск возник после объединения четырех населенных пунктов. Он состоит из двух районов – Центрального и

Падунского. Едешь по городу на автобусе, потом попадаешь в тайгу, а дальше опять продолжается город. Братская ГЭС, созданная на Падунских порогах Ангары, удивительно красивое сооружение. Перекинутая с одного берега реки на другой, плотина имеет значительную протяженность, почти один километр. Высадившись на одном берегу, мы по плотине перешли на другой. Заглянули в буфет, съели по стакану сметаны, и были наказаны за свое разгильдяйство. До отлета самолета оставалось чуть больше часа, а требовалось еще получить вещи из камеры хранения. Со всех ног бежим на плотину к милиционеру и просим его остановить автобус, что противоречит Правилам дорожного движения. «Спасибо» стражу порядка, он пошел нам навстречу. И только в самолете нам удалось основательно отдышаться.

Двадцать дней, проведенных на Лене, пролетели как одно мгновение. Но оставленный в памяти от нее след не сравним ни с одной поездкой. Какая природа, какие просторы, какое богатство!

Через два года я вновь побывала на Лене. Тамара Ивановна, участница Великой Отечественной войны, оказалась заядлой туристкой. Списавшись с якутским бюро путешествий и экскурсий от имени Тамары Ивановны, мы получили две путевки («для меня и моей племянницы») по маршруту «Якутск–Тикси». За время вскрытия Лены ото льда в ее нижнем течении единственный теплоход успевает совершить всего один рейс за сезон туда и обратно. И это для всего населения Советского Союза, для двухсот пятидесяти миллионов человек. Мой брат не советовал ехать на Вилюйскую ГЭС: «Попадешься милиции, сгноят они тебя в тюрьмах». – «Посмотрю по обстоятельствам, на месте» – решила я.

После устройства в якутской гостинице Тамары Ивановны пора подумать, о себе. Мне достался номер с подселением. Открываю дверь и застаю на кровати босоногого пятилетнего якутенка. Разворачиваю местную газету и углубляюсь в чтение. Мой виз-а-ви мгновенно перепрыгивает на мою кровать и срывает с меня очки. «Что ты делаешь, малыш? Так поступать нельзя». А малыш уже сидит на прежнем месте и молча наблюдает за мной сверкающими глазенками, как дикий зверек. Секунда, и я опять без очков. Не могу уяснить, понимает он русский язык или нет. Не повышая голоса, стараюсь урезонить малыша. Раскрытые глазенки ничего не выражают, ни страха, ни удивления. Сорвать

очки третий раз ему не удалось. Вернулась мама – высокая женщина с белокурыми волосами, с явно якутскими чертами лица. Ительмены, жители севера Якутии, появились от смешанных браков между якутами и жителями Северной Америки, пришедшими с Аляски. Мама накормила сына кефиром с хлебом, после чего я на него пожаловалась, и тут же об этом пожалела. Не произнося ни слова, женщина начала дубасить беззащитное дитя по всем частям тела. Голову, правда, не трогала. Малыш при этой экзекуции не произнес ни слова и не защищался, молча снося побои и не закрывая глаза. Он оказался мужественным жителем севера, стойким оловянным солдатиком. Такими я и представляла себе якутов.

Двухпалубный теплоход являл собой комфортабельное судно. Наша каюта на верхней палубе, и оба места нижние. Впервые в жизни не надо карабкаться наверх. Отделанные прекрасным шпоном из карельской березы внутренние аппартаменты – все обещало прекрасный отдых. Однако к вечеру появилось ощущение непонятной тревоги. Туристы еще не успели перезнакомиться, чтобы обсуждать свои тревожные мысли.

На следующее утро около кают-компании была вывешена стенная газета с крупным заголовком: «Ты не вибрируешь?». Главная ее статья посвящена вибрации, как физическому явлению, и ее влиянию на человека, А может, все зависит от Лены, ведь сибирские реки очень коварны. Вибрация плохо влияет на все живое, особенно на пожилых людей. Так бы мы и жили с постоянным ощущением неудобства, но капитан, не дожидаясь массовых жалоб, решил познакомить нас с историей «Механика Кулибина». Мы узнали, что немецкий двигатель теплохода состоит из двух движителей, которые подверглись плановому ремонту. Однако проводившим его механикам, несмотря на все их усилия, так и не удалось добиться синхронной работы движителей. Один из них на ничтожные доли секунды опережал второй. Вот он – источник вибрации. После подробного разъяснения капитана мы перестали замечать вибрацию и даже о ней думать.

Большинство туристов на теплоходе – жители России. Группа ленинградцев со своим руководителем держится обособленно. Меньшую часть составляли прибалты, преимущественно литовцы. Их репрессированные родители, выселенные в сталинские времена в Тит-Ары, что в устье Лены, навеки остались там. Дети и внуки покоящихся в Тит-Ары везли с собой живые цветы, чтобы

возложить их на могилы родственников. Как удалось сохранить цветы живыми в течение двух недель, осталось загадкой. Надо думать, что на теплоходе их держали в холодильнике.

Каждый вечер на корме судна работала дискотека. Как и в предыдущую поездку, родственники команды и обслуживающего персонала появились на палубах только в конце маршрута, в Тикси. На теплоходе процветала самодеятельность, в которой прибалты не принимали участия.

Баяниста, влюбившегося в одну из туристок-москвичек, мы эксплуатировали по полной программе. Единого для всех праздника Нептуна не предполагалось, между группами туристов были сильны разногласия. Каждая группа готовила свой праздничный вечер, приуроченный к чьему-либо дню рождения.

Во мне проснулось желание попробовать себя в режиссуре. Надо выстроить выступления самодеятельных артистов так, чтобы и участникам, и зрителям не было скучно.

Пока же мы гуляем по Якутску. Тамару Ивановну, ранее бывавшую только в Европе, удивляет все: дороги в городе, усыпанные каменноугольной крошкой, лужи желтого цвета, коммуникации на поверхности. За время путешествия по Сибири она ее так и не поняла, она и не хотела ее понять, а тем более полюбить. «Какой грязный город. Почему трубы не зарыты в землю? Как можно жить в городе, в котором на улицах постоянные лужи? И почему они желтые?». Устав убеждать Тамару Ивановну в своеобразии климата Якутии, я только согласно кивала головой.

Туристам, впервые посетившим эту республику, не могли не показать Ленские Столбы. Теплоход причалил к берегу ранним утром. Рядом с «Механиком Кулибиным» разместился катерок с иностранными геологами. Еще не совсем проснувшийся немец в пижаме и тапочках на босу ногу бегал по берегу и что-то пытался мне объяснить, мешая русские слова с немецкими. Ключевым словом, которое он непрерывно повторял, было «колоссаль». При этом его голова была обращена к небу, к Столбам. «Вы промокнете, идите переобуйтесь.» Но на все мои советы немец упорно повторял «колоссаль» и интенсивно жестикулировал руками.

Команду теплохода составляли студенты Николаевского мореходного училища, явно скучавшие от отсутствия сверстниц. Тамара Ивановна была ими недовольна. «Никогда не подадут руки при сходе с трапа». – «Тамара Ивановна, мы же с вами туристы, обходиться надо своими силами». В ответ капризно надутые губы. После

завтрака состоялся подъем на смотровую площадку над Столбами. Мне больше понравилась крутая гора на противоположной стороне ущелья, на которой раскинулся прекрасный альпийский луг с незамысловатыми белыми цветочками. Ручеек, бежавший внизу ущелья, сплошь зарос багульником. Именно в июле он благоухает наиболее сильно. Спуск с горы, как всегда, оказался более трудным, чем подъем. Всего же на Ленских Столбах я побывала четыре раза. В гору моя соседка не поднялась. «И зачем я буду карабкаться? Не хочу, не нужно». Сибирь ей явно не нравилась.

Туристы посетили Олекминск и устье Уры, места мне уже знакомые. С удовольствием прошлась с компанией по аллее в сосновом бору. «Аллея» – название условное. Эта дорога, видимо, ранее интенсивно использовалась, а теперь оказалась забытой. Ноги утопают в хвое, обильно устилающей путь, изредка раздаются птичий свист или щебетанье, с ветки на ветку перелетает белка. И опять тихо, так тихо, что слышны удары собственного сердца. О чем человек думает в такие минуты? О чем угодно или ни о чем. В такие минуты вспоминается песня:

Где-то на сопках багульник цветет.,
Кедры вонзаются в небо.
Кажется, будто давно меня ждет
Край, где ни разу я не был.

Много бы я отдала, чтобы опять оказаться на Лене.

Теплоход причалил к Ленску, хорошо помню эту дату, 25 июля. Прошу Тамару Ивановну обо мне не беспокоиться и никому не говорить, что я не еду на экскурсию в Мирный. «Купите моей внучке шубку». – «Хорошо, куплю, только обо мне никому не слова». Трап спустили лишь в 9 часов, и я бегу на автобусную остановку. Автобус, курсирующий через день по маршруту «Ленск–Мирный–поселок Чернышевский», отошел в 6 часов, и я двигаюсь по направлению к Мирному. Передо мной на почти пустынной улице возникает фигура принарядившегося молодого человека. «Куда путь держишь?» – «В Мирный надо попасть, да автобус уже ушел». – «Вот что, иди на Октябрьскую улицу, дом 1. Там под ковриком найдешь ключ. Приберись немного в комнатах, жена уехала на материк. А я сейчас забегу на базар и обратно» – «А как же Мирный?» – «Да ты не волнуйся, у меня семерка, мигом попадем в Мирный». – «Ладно, приберусь».

Столь дерзкое предложение меня не обескуражило. Эх, красавец-сибиряк, не для того я вновь приехала в Ленск, чтобы зря терять время. С собой у меня нет никаких документов. С геологами добралась на «газике» до поста ГАИ, что на выезде из города. Брат предупреждал, что здесь, в краю кимберлитовых трубок, больше всего следует опасаться милиции. Но все будет зависеть от обстоятельств.

Я небольшого роста, одета просто: мужская рубашка, вельветовые брюки – «скромный парень в сером пиджачке». Вот только кроссовки последней модели. Свитер сняла, жарко. Легенда на всякий непредвиденный случай такова – отстала от геологической партии, задержалась в Ленске у знакомых и теперь добираюсь к своим в поселок Чернышевский.

Работники ГАИ остановили машину с шишкарями, которые согласились подвести меня с одной оговоркой – высадят в любом удобном для них месте. Я согласна на все, лишь бы поскорее исчезнуть с поста ГАИ.

Через полчаса стою на дороге среди необъятной тайги. Никого, ни одной машины, дорога пуста, в голове звучит популярная в то время песня:

Стою на полустаночке
В цветастом полушалочке,
А мимо пролетают поезда...

Минут через тридцать подсаживаюсь на заднее сидение к мотоциклисту, который едет только до Усть-Нюи. Соблюдаю основной принцип туристов двигаться только вперед и на чем угодно. Денег за подвоз никто не берет, в Сибири это не принято.

В Усть-Нюе долго ожидала попутную машину. Наконец меня сажают в «Ниву» белого цвета. Семейная пара из Чебоксар приехала в Сибирь улучшить свое материальное положение. Нам по пути, жители Чебоксар тоже едут в Мирный.

В Мирном мы расстались, и я опять стою посередине дороги в ожидании попутного транспорта. Останавливается бензовоз с прицепом, и водитель согласен довезти меня до поселка Чернышевский. Он едет в Айхал, что в восьмистах километрах от поселка. Водитель с Украины, украинцы – народ любопытный, не проговориться бы. Постепенно шофер берет нить разговора в свои руки. «Вот на этом месте при строительстве дороги

самосвал упал в болото, погибли несколько человек. А при пересечении той речки водитель легковой машины не справился с управлением, погибли пять человек». Я сочувствую погибшим, киваю головой. Бензовоз едет медленно, на второй передаче, везет опасный груз.

Другая тема разговора – воровство алмазов. Способы воровства один изощреннее другого, и это несмотря на усиленную охрану при их добыче и транспортировке. Тема оказалась неисчерпаемой и почему-то очень актуальной для моего собеседника.

С высоты холма виден Вилюй. Как он сверкает под лучами солнца! Это второй по многоводности после Алдана приток Лены. «Поехали в Айхал!» – приглашает меня водитель. – «Посмотришь, как живут якуты. Все курят, и не только табак. Девушки в пятнадцать лет уже без зубов». – «Эка невидаль, человек без зубов. А шамана покажешь?» – «Нет, шамана не покажу, шаман работает только в якутские праздники или за большие деньги. А праздники у якутов приурочены к явлениям природы, а не к календарным датам».

Названия притоков Вилюя на дорожных указателях сразу не прочитаешь. Улахан-Ботуобуя, Оччугуй-Ботуобуя и другие названия смогла прочитать лишь на карте при возвращении на теплоход.

Поселок Чернышевский начинается сразу у плотины Вилюйской ГЭС. Здесь дорога пересекает Вилюй. «Здравствуй, Вилюйская ГЭС! Давно я к тебе стремилась, с первого плавания по Лене. Ты не похожа ни на одну из ГЭС, виденных мной. Ни на Красноярскую на Енисее, ни на Братскую на Ангаре, ни на Чиркейскую, зажатую горами Дагестана, ни на легендарную Запорожскую, ни на красавицу Мамаканскую. Опрятная, ничем не привлекательная скромная труженица Вилюйская ГЭС».

От группы мужчин, стоявших у плотины, отделяется молодой человек и направляется ко мне. Я ему объясняю, что приехала из Ленска навестить своих знакомых и, возможно, придется заночевать. «О ночевке не беспокойтесь. В больнице, где я сейчас лечусь, много свободных коек, есть где переночевать. Я – геолог и, если хотите, расскажу о Вилюйской ГЭС».

Мой новый знакомый подробно описал это уникальное сооружение, в то время единственную в мире ГЭС, построенную в тяжелейших условиях вечной мерзлоты. Многие конструктивные решения были отработаны именно здесь. Он оказался

великолепным гидом, прекрасно разбиравшемся в предмете. Пояснил, где в плотине установлены датчики, как считываются их показания и тому подобное. Обещаю геологу прийти в больницу, если не найду своих знакомых.

Солнце уже близится к горизонту, но еще светло, и можно побродить по поселку. С собой у меня пирожки с повидлом, купленные в Усть-Нюе.

На всякий случай запомнила название одной из улиц, Советская. Дома в поселке блочные, на немногочисленных улицах встречаются преимущественно женщины и молодые люди на байках, выделывающие на них всякие штуки.

Единственная в то время в поселке гостиница – сооружение тоже уникальное. Теперь она называется «Теремок». В свое время поселок посетил Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин. К его приезду и была построена гостиница. Вообразите себе шалаш высотой с трехэтажный дом с небольшой пристройкой, крытые шифером. Внутри здания на откосах крыши, на уровне второго и третьего этажей, разместились немногочисленные гостиничные номера в виде выступов, обитые вагонкой. Несущие конструкции – профилированные металлические балки, выкрашенные в ярко-зеленый цвет, расположены внутри здания. Этакое воздушное сооружение! Первый этаж размером 20х20 метров устлан зеленым ковровым покрытием, вдоль стен расставлены кресла.

Стол горничной у входа в пристройку, в которой тоже находятся гостиничные номера и кухня. Преобладающие цвета интерьера – ярко-зеленый и желтый впечатляют. Горничная встретила меня недружелюбно: «Кто такая?» – «Приехала к знакомым из Ленска». – «Где живут знакомые?» – «Советская улица, дом 1». – «Где же они?» – «Не знаю, дома никого нет и калитка на задвижке». – «Где знакомые работают?» – «Он шофер, она бухгалтер» (в любом поселке есть люди таких профессий). «Мест нет» – «Я подожду, мне надо переночевать всего одну ночь». – «Места все заняты. Вывозим на материк школьников отдыхать». Никаких детей в гостинице не видно, ни якутов ни русских. «А можно переночевать в кресле или на ковре? Я заплачу». Воцарилось длительное молчание, горничная что-то соображала: «Плати деньги без квитанции, и только за одну ночь».

Расплатившись, я иду в номер, завтра меня разбудят в шесть часов утра. Прекрасный номер, стены обиты лакированной

филенкой, окно занавешено дорогим тюлем. И вдобавок ко всему гудит вместительный холодильник, жаль, нечего в него положить. Пью чай с микояновскими пирожками из Усть-Нюи и мгновенно засыпаю.

Утром поблагодарила бдительную горничную за ночлег, еще раз прошлась по поселку и направилась к автобусу, который приметила с вечера. В нем уже сидят люди, большинство из них едет в Мирный на работу. Любуюсь из окна дикой сибирской природой. Горы, поросшие тайгой, крутые откосы, мари – и так до горизонта, от края и до края. И бесчисленные мосты через реки и овраги.

От Вилюя трудно оторвать взгляд. Солнце уже взошло, и река, как и вчера, сверкает сквозь зеленую хвою. В Мирном получасовая остановка. Успеваю выпить кофе и поговорить с местными жителями. В Ленск приехала за полчаса до возвращения туристов из Мирного, и стремглав бегу на теплоход.

А на судне разбушевались матросы. У одного из них накануне был день рождения. Естественно, что матросы крепко заложили за воротник и целый день бездельничали. Капитан разносит команду, его громкий голос слышен во всех уголках теплохода. Обстановка накалена до предела, ведь скоро вернутся туристы, а на судне ничего не убрано. «Увидите, какую я вам напишу бумагу. Мало не покажется». Мне бунт на руку, в такой обстановке о тебе никто не вспомнит.

Моя соседка поездкой недовольна, утомилась от продолжительной езды по ухабистой дороге. Все-таки от Ленска до Мирного 350 километров и столько же обратно, и шубку внучке не купила. «А как вы провели время?» – «Спасибо, неплохо. И у знакомых все в порядке». Самое же главное, что разработанный с братом план оказался удачным: метод автостопа, столь популярный в те времена в Европе, сработал, и моя мечта сбылась. Я увидела уникальную Вилюйскую ГЭС и познакомилась с интересными людьми.

Из Ленска наш путь лежит на остров Терьен-Юрях. Яркое солнце, песчаные дюны, заросли высокой осоки – все располагало к активному отдыху. Но из-за отсутствия лагун искупаться в Лене не удалось.

В буфет теплохода нагрянули якуты, приехали они на неоседланных коротконогих забавных лошадках, тех самых сибирских лошадках, которые зимой из-под снега самостоятельно добывают

себе корм. Несколько туристов взгромоздились на этих прелестных животных с длинными белыми гривами и хвостами. Лошадки медленно ступают по песчаным дюнам, их ноги проваливаются в песок. Надо как-то отблагодарить якутов за доставленное удовольствие, но денег они не берут. Подарила им значки с видами Москвы, которые они тут же выбросили. За все время путешествия по республике я ни разу не видела улыбающегося или смеющегося якута. Суровая жизнь не располагает к этому.

Повара продолжают удивлять нас рыбными блюдами. Фирменным блюдом на теплоходе был открытый пирог с рыбой. Следует добавить разнообразие видов рыбы – муксун, нельма, речной омуль, таймень, налим.

Повторилась стоянка у Ленских Столбов. Перед якутскими ювелирными украшениями устоять было невозможно. Купила кольцо с хромдиопсидами, местными изумрудами, это прекрасная память о Лене.

Зеленая стоянка в устье Алдана началась с волейбола. Купальники уже никто не надевает, дует постоянный северный ветер. В окрестностях мы обнаружили вырытые в земле глубокие камеры, выложенные сосновыми бревнами. И начались бурные дебаты о назначении этих камер: землянки, камеры для заключенных и тому подобное. Лишь через несколько лет узнала, что это были камеры для хранения товаров, здесь находились склады Приалданья.

Чем дальше продвигаемся на север, тем чаще встречаются населенные пункты. Леса продолжают гореть, прибалты уже перестали возмущаться бездействием местных властей. Все их мысли там, в Тит-Ары, где покоятся их предки и где, возможно, кто-то из них родился.

Сангар (он же Сангары) еще один своеобразный город Якутии. Его основное богатство – большие залежи каменного угля. Уголь не очень хорош, но для его добычи не надо углубляться в землю. В наш приезд шла разработка каменноугольной горы. Добытый уголь вывозят на поверхность и складывают в новую гору (см. «Котлован» Андрея Платонова). Потребитель не успевает вывозить добытый уголь, и новая гора растет очень быстро. На высоком правом берегу Лены возникло уже несколько таких гор. Вечная мерзлота раскалывает уголь на мелкие кусочки – бусинки, вот они-то и портят внешний вид якутских городов. В угольной шахте прекрасное освещение. Вагонетки так и скользят

по рельсам, а мы, посторонние зрители, прижимаемся к холодной угольной стене. Пол и потолок шахты тоже из угля, пыли нет, поскольку уголь влажный.

В наше распоряжение отдана гора добытого угля. В ожидании задержавшихся в шахте скользим по ней, как по льду. Уголь очень холодный, несмотря на то что ярко светит солнце. Но оно уже не греет. И это в конце июля, в разгар лета. Такова суровая Якутия.

Устье Вилюя похоже на устье Алдана, но мы здесь не останавливаемся, капитан торопится. Запланированные стоянки сделаем на обратном пути. Под вопросом оказались и остановки в Жигановске и Аграфене. Прибалты тоже торопят капитана, однако остановка в Оганер-Юрях все же состоялась.

Лена разделилась на сеть протоков. Они, как непослушные дети, вьются вокруг своей матери, основного русла реки, создавая многочисленные острова. По курсу корабля справа просматривается Верхнеленский хребет, ближе к устью реки его сменяет Хараулахский хребет. Горы на горизонте возникают ниоткуда, как миражи из тумана,– светло-серые и голубые. Одна вершина сменяет другую, горы как будто протянуты по ленте. Кряж Чекановского слева не так высок и меньше притягивает к себе наше внимание. Закаты все еще великолепны, но красота их иная, в них преобладает ощущение тревожности. Никто на палубе не танцует. Некоторые туристы утеплились в куртки, а наиболее предусмотрительные надели зимние сапоги.

На стоянке поднимаемся в гору, заросшую высоким и густым кустарником, под ногами пружинит мох. Здешние цветы лишены запаха. Турист Володя, охотник из Ижевска, объясняет названия деревьев и кустарников. Кто-то теряет ключи от каюты, но с помощью Володи их удалось найти. И это в глухой тайге! Полюбовавшись Леной и ее окрестностями с высоты горы, мы в ускоренном темпе спускаемся к пристани. Там нас дожидаются четыре якута-рыбака, в широкой лодке разложившие метровых осетров. Цена одного осетра бутылка водки, почти даром. Несколько жителей Якутска, наш обслуживающий персонал, приобрели рыбу. Ее почистят, посолят, развесят на палубе для сушки и привезут домой уже готовой для употребления. Остальные, москвичи, ленинградцы и прочие россияне, завидуют им белой завистью.

Завязалась беседа с пожилым рыбаком-эвеном. Оказалось, что ему всего-то 40 лет. «Вот женился недавно, молодую взял». – «А

как же прежняя жена?» – «Живет, как и раньше жила, белье мне стирает». – «Неплохо устроился. А дети есть?» – «Есть. Все четверо остались с прежней женой». Ответы рыбака незамысловатые, говорит все без утайки. Вокруг нас собрались люди с теплохода, слушают и удивляются, как это мне удалось разговорить представителя молчаливых аборигенов. Глаза у него ясные-ясные, как у младенца, а во рту уже почти нет зубов. Второй рыбак, молодой крепыш с красивыми чертами лица, оказался менее разговорчивым, оставшихся пять осетров готов отдать за одну бутылку. Его шея сзади, от уха до уха, вся была в наростах, этакий коричневый воротник в виде лепешек разнообразной формы. Якутия – суровый край, она явно неблагоприятна для жизни человека.

Полярный круг Лена пересекает в районе Аграфены, где-то между Баханаем и Жиганском. Самое время заняться подготовкой к празднику. Наш праздник начинался с музыкального вступления, исполненного на фортепиано солисткой якутского телевидения Галиной Петровной, продолжившей его пьесами Шопена. Затем состоялся конкурс вежливости. Москвич Николай Федорович познакомил нас с баснями на злобу дня, авторы которых остались неизвестными. «Ярославские ребята» исполнили частушки, сочиненные ими на теплоходе. Ольга Ивановна и я танцевали «Кумпарситу», задуманную в ироническом ключе, с подпрыгиваниями и неумелыми поворотами. Основная изюминка номера – роль мужчины исполняет женщина. Высокая, стройная Ольга Ивановна, бывшая футболистка, все движения выполняла безукоризненно. За основу был взят танец на льду Л. Пахомовой и А. Горшкова. Возникла проблема с костюмом моего партнера. Если брюки и фрак подобрали быстро, то головной убор, желательно шляпу с полями, разыскивали два дня. Обшарили все каюты матросов и, не найдя ничего подходящего, решились на головной платок, но... Это значительно снизило бы эффектность номера. И тут кто-то из механиков вспомнил, что в ящике, на котором он спит, с незапамятных времен лежит черный котелок. Это как раз то, что нужно для латиноамериканского мачо.

Вторая фишка состояла в том, что она его любит и всячески домогается, а он ее не любит и уклоняется от сближения. В финале танца партнер с силой отбрасывает от себя назойливую даму, и я растягиваюсь на полу. Кавалер снимает котелок, победоносно

раскланивается на все стороны и перешагивает через меня. Одета я была в голубое платье, туго затянутое в талии. Все участники концерта обряжали меня, а волосах сияла алая роза из тех искусственных роз, которые носят на кладбище. Прическа – завитки на ушах и на лбу, выполненные хозяйственным мылом.

Концерт завершился срезанием конфет с завязанными глазами, подвешенных на нитках. Один из зрячих участников разводил резальщиков, дабы они не нанесли травмы друг другу. Концерт удался наславу, а главное, все участники, они же зрители, остались целыми и невредимыми.

На столе красовался огромный рыбный пирог, сухое вино тоже было. Застолье завершилось чаепитием со срезанными конфетами. Для меня высшей наградой, преподнесенной уже в московском аэропорту, был вопрос одного из участников нашего концерта: «Скажите, в каком ансамбле вы участвуете?». Он меня принял за профессиональную танцовщицу.

Тит-Ары проплываем ночью и выходим в море Лаптевых по протоке Быковского. Уже наступило утро, погода великолепная, но порт Тикси нас не принимает. Мешает густой туман в порту, и мы стоим на рейде среди льдин. Небо над нами ярко-синее, вода сизо-синего цвета, спокойная, у всех настроение эйфорическое. Рядом с нами расположился ярко-красный подъемный кран гигантских размеров. Все цвета насыщенные, какие-то нереальные. На рейде мы простояли до позднего вечера, причалив лишь к 23 часам. Тут же наш теплоход был «захвачен» матросами с других судов. Начались перешептывания: «Водка есть?». Матрос, выхвативший у меня бутылку, весь дрожал от нетерпения.

Власти Тикси очень долго нас ждали и разошлись по домам. Но через полчаса все магазины в городе открылись, и жители Якутска понесли на теплоход коробки и ящики с дефицитными продуктами. В поисках значка Тикси мне пришлось обежать все магазины, а нашла его только на почте у одной из служащих. Значок этот сработан грубо, эстетически мало интересен, но он оказался единственным значком, найденным в городе.

Уже глубокая ночь, температура воздуха +4°С, а туристы продолжают ходить по городу. Он засыпан угольной пылью десятисантиметровой толщины, и Тамара Ивановна возвращается на теплоход, устав перешагивать через трубы. Местные власти уже не надеялись, что туман рассеется. «Рано вы приехали, еще не все терминалы разобраны. У нас много интересных товаров.

Оставайтесь». Мы бы рады остаться, но у большинства из нас уже куплены обратные билеты.

Поспали мы 2–3 часа и на попутных машинах отправились в поселок Тикси-3. Вот где превосходные магазины, вот где обилие товаров экстра-класса, в основном японских. Большинство туристов опустошили здесь свои кошельки.

Теплоход отправляется в обратный путь. Остров Тит-Ары находится в низовье Лены. Крутой песчаный холм начинается непосредственно от пристани. На верху холма – поселок, позади которого среди великолепных сосен расположилось кладбище. Прибалты с букетами цветов бегут к родным могилам, поговорить с местными жителями о своих родственниках у них уже нет времени. И через час «Механик Кулибин» отчаливает. Капитан недоволен, мы не успеваем вовремя прибыть в порт приписки, долго простояли на рейде. Запланированные стоянки в Аграфене и Жиганске проплываем мимо. Несколько туристов с билетами на более раннее время пересаживаются на быстроходные катера, остальным какое-то время предстоит побыть в Якутске. Состоялся прощальный ужин, и на следующее утро все разлетаются по своим малым родинам.

Прощай, Якутия! Прощай, дивный край! Наша необъятная Родина подарила мне много незабываемых минут, но Якутия среди них – особая страница. Еще один край России стал мне близок. Мало смысла в том, чтобы лишь читать о путешествиях. Чтобы познать свою Родину, надо ездить, плыть и шагать по ней. Кто любит свою Россию, тот не может не хотеть узнать о ней как можно больше. Нельзя составить полного представления о народе, с которым ты не контактируешь. Встреча с малышом-якутом дала мне во сто крат больше, чем если бы ее не было. Он до сих пор стоит перед моими глазами – дитя Якутии, дитя ее природы...

Справка: «Название Лена происходит от эвенкийского «Ули» (река), затем добавленного эвенами «Иэнэ» (большая река), позже трансформированного якутами в «Элине», и, наконец, русифицированного в «Лену».

КОЛЬСАЙСКИЕ ОЗЕРА

Туристическая база «Алматы», находившаяся на окраине города рядом с урочищем Медео, была местом сбора конников. Утром после физической зарядки знакомимся с конюхом, настоящим богатырем, назвавшимся Туром. Он и впрямь был похож на тура – мощное и сильное животное. На пути в Алгабас, где находилась конно-спортивная база, Тур сообщил нам, что его полное имя Амантур. А уже в Алгабасе оно превратилось в Амантурая. Конюх прекрасно обращался с лошадьми, досконально знал повадки этих прекрасных животных. Его жена преподавала музыку в местной школе. Для того времени обычная история: муж без высшего образования, жена с высшим, но это обстоятельство не помешало им создать крепкую семью.

На базе в Алматы получаем продукты. Группа из четырех алматинцев, «спевшихся» в прежних походах, и только она отбирала продукты. Благодаря такой организации в продолжении всех 16-ти походных дней мы не знали проблем с едой.

Едем на северо-запад, проезжаем Кескелен. Далее автобус, груженый туристами и продуктами, поворачивает на восток. Обедаем в селе Чилик, переезжаем реку с тем же названием, и начинается подъем на плато. На севере от нас остается знаменитый Шелковый путь. До самого горизонта расстилается высокогорная безлесая равнина, покрытая необычной бархатной травой. Едем по бархату. Минуем перевал Тала-Ишик и приезжаем в аул Алгабас. Амантур шутит: «Кончилась Советская власть, начинается поход».

Река Чилик с грохотом несется по каменистому дну, ворочая камни. Перейти реку в брод невозможно, снесет. Местные жители в реке стирают белье, из неё же берут воду для хозяйственных нужд. При каждом доме есть огород с плодородной землей, хозяева натаскали за долгие годы. В ауле обилие ребятишек, мальчики утром и вечером выстраиваются вдоль дороги в ожидании всадников. При нашем появлении босоногие наголо остриженные пацанята здороваются, лихо выговаривая слово «здравствуйте» – своеобразный ритуал Алгабаса. В ответ мы улыбаемся и тоже здороваемся. Девочек не видно.

Приготовленную инструктором Жекбаем лошадиную сбрую мгновенно расхватали. После ужина знакомимся с аулом, посещаем местное кладбище и устраиваем игру в волейбол. Жекбаю волейбол не понравился, играть он не умел, а значит, не мог быть

первым. Для инструктора это неприемлемо, задето его самолюбие. Больше мы в волейбол не играли.

Готовимся на турбазе к ночлегу и делим ветровки. Все обнаруженные на турбазе книги посвящены лошадям.

На следующее утро выстраиваемся со сбруей в шеренгу. Жекбай каждого внимательно осматривает. «Сбруя в порядке?» – «Нет». – «Иди на конюшню. Приведи в порядок сбрую». – «Твои сапоги для похода негодны, иди в магазин». В местном магазине можно купить все необходимое: футболку, ветровку, кирзовые сапоги, кеды. Основной оборот магазин делает на товарах для конников.

Жекбай – киргиз, живет в Иссыке и обладает необычной внешностью: смуглое лицо, копна черных, жестких, как проволока, волос, и иссиня-голубые лучезарные глаза – два голубых озера на каменистой равнине. Удивительное лицо. После обеда идем на конюшню на другой конец аула выбирать лошадей. Седлаем их, кто как умеет, надеваем сбрую, привыкаем друг к другу. Предоставленные нам лошади давно ходят под седлом, не мы к ним приспосабливаемся, а, наоборот, они к нам. Левую ногу вставляешь в стремя, хватаешься за гриву, перекидываешь правую ногу через круп, и ты уже на коне. Дальнейшее зависит от тебя – найдешь с лошадью общий язык или нет. Гарцуем рядом с конюшней, готовимся к походу на следующий день.

Ужином все недовольны, голодно. Во время нахождения в ауле нас должны кормить местные власти. Назревает скандал. Утром идем в правление, инициативу, как и должно быть в таких случаях, взяли на себя мужчины. «Мы хотим мяса» – раздается со всех сторон. Обедаем уже по-другому. Местная повариха приготовила великолепный плов, салат и кумыс.

Седлаем лошадей и отправляемся в пробный поход. На одном из крутых спусков моя кобыла отказалась подчиняться. Не идет, переминается с ноги на ногу, ничего не могу с ней сделать. «Жекбай, дай мне другую лошадь, не буду же я весь поход выяснять с ней отношения». – «Ты ничего не понимаешь, это лучшая кобыла в табуне. Подо мной была». – «То-то и оно, что была под тобой, поэтому и не слушается». – «Ладно, приходи завтра утром на конюшню».

Недоезжая до аула, Амантур просит нашей помощи. Три дня назад из конюшни к диким лошадям сбежала кобыла, но была поймана пастухами. И теперь ее следовало заново покорить. Всадники выстраиваются полукругом так, чтобы строптивое животное не смогло убежать. Длинной леской медленно Амантур

сдавливает лошади горло. Кобыла хрипит, приседает на передние ноги, изо рта у нее показалась пена, но на уговоры конюха и побои плетью она не поддается. Наконец Амантур сдался: «Она быстрее умрет, чем вернется на конюшню». И снимает с лошади леску. Полуживая лошадь медленно поднимается на ноги, трясет гривой. Наш круг расступается, вольнолюбивое животное нетвердой походкой выходит из окружения и растворяется на горизонте в туманной дымке.

Перед походом нам предстоит помывка в передвижной бане. В кузове грузовой машины смонтированы две кабины, соединенные печкой. В одной кабине люди, не более двух, раздеваются, здесь же хранятся дрова. Вторая кабина моечная. Машину устанавливают на берегу водоема, воду качают через шланг. Отработанная вода стекает в дыру в полу и по шлангу отводится в сторону. Нехитрое приспособление, а какое удобство для пастухов, месяцами пасущих в горах скот. Местные пацаны выбирают удобную позицию где-нибудь за кустом и наблюдают за моющимися женщинами. Вдруг повезет, мелькнет за дверью голая рука или нога.

Перед основным походом нам предстоит еще один пробный поход. На плато, покрытом шелковой травой, Жекбай тренирует конников. Идем то рысью, то срываемся в галоп, спешиваемся, опять седлаем лошадей, сбиваемся в кучу. Жекбай анализирует наши ошибки. В это время лошади, почувствовав ослабленные поводья, начинают вольничать, некоторые пытаются лечь. Этого ни в коем случае нельзя допустить, иначе лошадь сломает седло. Надо изо всей силы бить ее по крупу и заставить подняться.

В тени деревьев на берегу горного ручья устраиваем бивак, разводим костер и греем чай. Амантур поймал за хвост змею и бросил ее в огонь. «Так у нас делают всегда. Змеи вредные». То, что змеи вредные, мы убедились полчаса спустя. Молодой человек, путешествующий с тетей, тоже схватил змею – дурной пример заразителен. Конюх знал, как себя обезопасить, чего не скажешь о его последователе, получившем молниеносный укус в запястье. Жекбай среагировал мгновенно, посадил парня на лошадь, и они ускакали в аул, где есть ветеринарная служба. Если парень серьезно пострадал, наш поход может и не состояться. Недовольные, мы поплелись в Алгабас. К счастью, все обошлось, молодому человеку сделали необходимые уколы. Мы же со своей стороны просили тетю не спускать глаз с племянника. Провинившийся парень в продолжении всего похода «держался за подол» своей тети, кстати, прекрасной наездницы.

На следующее утро встаем рано. Забираем продукты, в том числе хлеб, и две 20-литровые фляги с кумысом – провизия на восемь дней походи. Больше магазинов не встретим. Возле конюшни распределяем по коням продукты и палатки. А в это время две местные собаки незаметно подкрались к непрерывно галдящим туристам, вытащили из рюкзака увесистый шмат сливочного масла и за углом конюшни быстро его съели. Похоже, что у собак уже был опыт воровства.

Часа три идем по постепенно поднимающемуся плато. Привыкаем к первозданной тишине, кругом простор и воля. На высоте не жарко, но голову следует прикрыть. На лошади хорошо, не то что в пешем походе, рюкзак лежит сзади на крупе. Моя Манька – (так я назвала безымянную лошадь) очень добрая и покладистая кобылка. Глажу ее по шее, ложусь на шею, отпускаю поводья. Время от времени подъезжает Жекбай: «Ну как?» – «Что ну как? Лучше не бывает».

Распределяемся по парам, кто с кем будет жить в палатках. У нас только двухместные памирки, они же серебрянки. Молодой человек из Алматы Паша, красивая женщина, мать троих детей, жена высокопоставленного чиновника оттуда же; Иван со своей пассией блондинкой со стройными ногами; Нина Васильевна из Барнаула с провинившемся племянником, Тамара Тумилене из Перловки (Московская область), Нина Васильевна из Ташкента туристка со стажем, Андрей гитарист, исполнявший песни неопределенного направления про сторожа Козлодуева, и его друг, Галя Соловей альпинистка-разрядница и Тамара Васильевна, обе из Алматы; семейная пара и кандидат психологических наук, которая вместе с Жекбаем решали все спорные вопросы. Всего нас с инструктором и конюхом 16 человек. В нашей группе преобладают женщины, молодежь только мужского пола. Средний возраст представлен опытными туристами, большинство с высшим образованием. В таком обществе не должно быть серьезных конфликтов.

Перевал кончился и начался спуск с плато, крутой и продолжительный. Отпускаешь поводья и откидываешься назад. Среди кустарника и жухлой травы лошадь сама найдет дорогу. Спускаемся медленно, то прямо под гору, то по серпантину. В одном месте перед крутым спуском моя рыжая кобылка остановилась. В чем дело? Натягиваю поводья – безрезультатно, Манька с места не двигается. «Вот и ты меня не слушаешься. Мы не в Алгабасе, здесь тебе замены нет» – мысленно сержусь на кобылу.

Манька косится на меня своим большим черным глазом. Смотрю в направлении ее взгляда – слева чуть различима лошадиная тропа. Ай да лошадка у меня! Золото, а не лошадка.

В конце спуска собираемся в кучу, кучкуемся и получаем от Жекбая ценные указания. Далее движемся по берегу горной реки. Горы расступились, и мы едем по широкой долине Чарына, такого же бурного и каменистого, как и Чилик. Обе реки образованы ледниками на водоразделе, по которому проходит граница между Казахстаном и Киргизией. Обе реки впадают в Капчагайское водохранилище на реке Или, в свою очередь впадающей в озеро Балхаш.

Жекбай, дикий человек, этой географии не знал. Но он прекрасно ориентировался на местности с помощью своей интуиции. Слева от нас горы, справа – снежные вершины Тянь-Шаня. Под руководством Жекбая расставляем палатки строго по линейке, чтобы было красиво: серебристые памирки, колышек к колышку, на изумрудной траве. А над нами безоблачное синее небо. «Будешь моей байской женой?» – спрашивает Жекбай. Это такая игра для взрослых. Стать байской женой можно на день, на два и больше. Жена бая – должность почетная. Она получает привилегии, ее поклажа перекладывается на лошадь бая или же она идет с баем на одной лошади. Но так ехать неудобно.

Многие из нас в седле не первый раз. Особое удовольствие доставляла езда Паши и многодетной матери из Алматы. Почти одного роста, оба прекрасно сложены и великолепно держатся в седле. Когда они полуголые (она в купальнике, он в спортивных брюках) срываются в галоп и несутся за горизонт по бархатной траве, испытываешь эстетическое наслаждение. Настоящие скифы!

Немногословный Жекбай редко становится разговорчивым. Из рассказов Жекбая: «Когда я начал ходить в горы с альпинистами, то получил от них совет – перед сном полностью освобождать свой рюкзак. Дней пятнадцать я выполнял этот совет, а потом о нем забыл то ли из-за усталости, то ли из-за беспечности. Вернувшись из похода, все альпинисты разбирают свои рюкзаки, я тоже. И о, ужас! О, позор! В глубине рюкзака нахожу два увесистых камня, завернутых в бумагу». Научили парня сразу и на всю жизнь.

Снимаем с лошадей сбрую, кто умеет – тот коня стреножит, кто не умеет, просит об этом Амантура. Мою Маньку стреножить не надо, она и так не сбежит. До позднего вечера прочесываем

окрестности. В распадке гор я наткнулась на посевы конопли и сообщила об этом Жекбаю. Он делает вид, что не понимает, о чем ему говорят. Совсем стемнело, и все собрались у костра. Ужинаем остатками обеда, пьем чай. Читаем стихи, Андрей под гитару поет про сторожа Козлодуева. Юмор в Азии иной, чем в России, а лучше сказать, никакой. Не принято иронизировать над начальством, над присутствующими и еще бог знает над чем. Анекдоты поэтому не рассказываем, да они и не нужны, они лишние на лоне первозданной природы.

У нас пополнение, к нам примкнула пешая группа из Павлодара – ученики девятых классов во главе с молодым инструктором-казахом. Вновь прибывшие сразу окружили Амантура с его радиоприемником. Начались танцы под звездным небом. Я не танцую, жене бая этого делать не полагается, несолидно. Чем хороши туристические походы? Все происходящее воспринимается как должное, обсуждать никого не принято, никто никому не задает вопросов. Если человек считает нужным, то сам о себе расскажет. Таков неписаный туристический закон.

Раннее утро, а солнце уже высоко. Сытые лошади валяются на траве, покрытой росой, переворачиваются на спину, издают слабое радостное ржание. Маняшу никак не удается поймать. Идем навстречу друг другу, но только протяну руку, как моя любимая грациозным движением поворачивает голову в сторону и скачет прочь. Играет со мной. После очередного неудачного захода сажусь в изнеможении на землю. «Амантур, помоги». – «Дождется она у меня. На мясо отправлю» – сердится конюх. Одеваю на Маню сбрую, глажу свою лошадку, жалею. Мокрой тряпочкой промываю ей углы глаз, чтобы мухи меньше беспокоили. Эта процедура ей по понраву, косится на меня, благодарит. Даю ей черный хлеб с солью, съедает его и опять косится. Быстро складываем палатки, грузимся на лошадей. Конюх и инструктор опекают школьников, часть их рюкзаков уже лежит на лошади Амантура.

По указанию Жекбая собираем в траве бумажки и обертки от конфет и вместе с банками поглубже закапываем в землю. На обратном пути нам здесь опять ночевать, должно быть чисто. Амантур по очереди сажает школьниц в седло: «Будешь сегодня женой бая». Встречные конные пастухи угощают Жекбая овечьим сыром, он угощает своих подопечных. Съел такой соленый мячик, запил его водой из горного ручья, и ты сыт до вечера.

На исходе дня приближаемся к нижнему Кольсайскому озеру. Появляются незабываемые тянь-шаньские ели исполинского размера. Их ветви сильно разветвлены, хвоя длинная и шелковистая. Ели высоко взбираются в горы и на фоне безоблачного неба красуются как зубцы средневекового замка. Мы находимся в Алматинском зоологическом заказнике на юге Казахстана, соприкасающемся с Киргизским государственным заказником Малая Ак-Суу.

На озере кипит бурная жизнь, сюда на летний отдых съезжаются жители Казахстана, многие с малолетними детьми. Семьи у казахов большие. Как и туристы, они живут в палатках, еду готовят на кострах. Ловят рыбу, благо озеро изобилует форелью. Раздается команда Жекбая: «Всем в лес за хворостом». Инструктор строго следит за дисциплиной, кричит зазевавшемуся туристу: «Андрей, я тебя вижу (эта фраза стала крылатой в походе). Почему хворост не собираешь?». Ночь опустилась мгновенно, как всегда бывает в южных широтах. У костра обсуждаем предстоящий поход на среднее и верхнее озера. Вместе с инструктором пойдут восемь человек, остальные туристы во главе с Амантуром останутся с лошадьми на нижнем озере.

Следующий день посвящен отдыху, починке сбруи, купанию в ледяной воде. Мужчины подручными средствами наловили форель. Высоко в горах движется отара овец, охраняемая конными пастухами и отчаянно лающими собаками, отара редко состоит менее чем из двух тысяч голов.

Я и Нина Васильевна сегодня дежурные. Отбираем продукты для ухи, чистим овощи и рыбу. 46 рыбин не так уж и много, форель некрупная. Школьники из Павлодара кормятся вместе с нами. Вечером опять сбор у костра. Жекбай отдает последние ЦУ. Идущие в горы должны обуть кеды, а не сапоги. Ночи в горах холодные, поэтому ветровка обязательна и теплые носки тоже. В рюкзаках консервы и нужные вещи, лишнего ничего не берем.

Поход в горы начался с подъема средней крутизны. Идем по каменистому косогору, из-под ног сыплются камни, звуков от их падения не слышно. Шагаем нога в ногу по следу впереди идущего. Смотреть по сторонам не рекомендуется, только на ноги идущего впереди – известный всем прием сохранения равновесия. Карабкаемся вверх, хватаясь за стволы деревьев. Пересекаем горную речку по двум лежащим параллельно стволам. Стволы круглые и влажные, перекатываются под ногами, преодолеваем их по одному человеку.

Главное – не сорваться вниз, высота небольшая, но есть шанс вымокнуть. Горы все выше, направление нашего маршрута на юг. Потом преодолеваем небольшой спуск, и мы у среднего Кольсайского озера. Неутомимый Жекбай верен себе, тут же устраивает тренировку по прыганию с одного мокрого камня на другой, торчащих из воды. Никого не подстраховывает, справляйтесь сами. Обходить озеро посуху пришлось бы долго, есть не хочется, хотя уже вечереет. Воду согреваем на спиртовых таблетках.

Наш инструктор оказался на редкость экономным, на восемь человек взял одну памирку. Двое, Андрей с другом, будут спать под открытым небом. Остальные шестеро укладываются в палатке. Наше лежбище выглядит более чем забавно. Где устроился, там и лежи, не шевелясь, всю ночь. Поменяешь положение руки или ноги, и лежащий рядом тоже начинает менять положение. Происходит цепная реакция, и все в полусне ворчат. Среди ночи семейная пара выбралась на волю, но свободнее в палатке не стало.

Утром вскакиваем чуть свет, на удивление, хорошо выспавшимися. Вот что значит горный воздух. Что-то жуем, готовим рюкзаки и, конечно, подбираем бумажки и банки и закапываем их в землю. Начинаем прыгать по мокрым камням, но уже с отягощением. Жекбай принципиально никого не подстраховывает. Логика железная: пошел в горы – надейся только на свои силы.

Урочище, ведущее вверх к последнему заповедному озеру, изобилует буйной растительностью: невиданные травы и цветы, божественные ароматы. Хочется остановиться и детально рассмотреть каждый цветок., но Жекбай торопит. Вода из верхнего озера течет подземными ходами, иногда выходит на поверхность в виде многочисленных ручейков, обрушивается небольшими водопадами, появляется то справа от тебя, то слева.

Неожиданно нас догнал Амантур, они с Жекбаем будут добывать мумие. А пока, чтобы туристы не скучали, инструктор показывает им цветы золотого корня, альпинистка Галя уже «достала» его своими распросами об этом растении. Женщины принялись ножами их выкапывать. Конюх и инструктор вынули ножи с длинными и узкими лезвиями, на ногах у них калоши. Без калош, не скользящих даже на мокрых камнях, в горы не залезешь. Жена бая, как ей и положено, осталась у подножия гор ожидать добытчиков.

Мумие ценится за свои целебные свойства. Это экскременты мелких животных, мышей и других грызунов,

живущих в горах. Накопившиеся в расщелинах гор, вещества подвергаются длительному воздействию ультрафиолетовых лучей, осадков и других природных факторов, претерпевая качественные изменения. Собранное мумие несколько раз промывают и перегоняют. Готовое мумие расфасовывают в стеклянные пузырьки и, приложив инструкцию по его применению, продают. Хотя и небольшой, но прибыток для инструкторов. На память об этом изумительном походе до сих пор храню эдельвейс, сорванный в горах Жекбаем. Амантур отправился назад, нам же предстоит увидеть еще одно чудо природы – верхнее Кольсайское озеро.

Горное озеро размером с три футбольных поля расположилось на одной из вершин водораздела. Этакая огромная чаша, наполненная водой изумрудного цвета и окруженная горами. Все это великолепие, как куполом, накрыто ярко-синим небом. И в нем парит одинокий темный хищник. Парящая птица как будто играет в восходящих потоках воздуха, но так высоко, что невозможно подробно рассмотреть и услышать голос. У озера приютилась киргизская юрта. Эта юрта из толстого войлока гармонирует с окружающей природой так, что иное жилище здесь было бы неуместно. Входящие в юрту обувь оставляют около двери – занавеси перед возвышением. Сбоку висят умывальник и полотенца. На возвышении, устланном войлоком с киргизским орнаментом, пастухи едят, спят они за занавесью. Чистота везде необыкновенная. А вот и сама хозяйка, скромно одетая девушка, дочь одного из пастухов. Поговорив с Жекбаем, она приносит молоко в пиалах с национальным рисунком. Уже по-русски долго беседуем с девушкой, которая мечтает после школы поступить на юридический факультет. Рассказывает также о том, как каждый вечер пересчитывает овец, а их более двух тысяч. Технику такого пересчета она не успела сообщить, о ней позже нам поведал Жекбай.

А на горизонте показались два всадника в европейской одежде, местное начальство. На холеных конях-красавцах они неторопливо передвигались по горному серпантину. Над ними продолжали парить пернатые хищники. Монотонное цоканье копыт, мелькание восьми лошадиных ног, «обутых» в белые гольфы, и процессия приблизилась к юрте. Жекбай счел необходимым прекратить беседу и удалиться, как предписывают местные обычаи. По пути к среднему озеру подбираем сборщиков целебных трав.

Уже в Алмате в моем присутствии Жекбай сообщил начальству о том, что за золотой корень он выдал другое, похожее на него растение. Честь ему и хвала, мо́жно и таким образом бороться за сохранение экологического равновесия родной природы.

Ночевали вновь на бархатном плато на берегу горного Чарына. Неутомимый инструктор, как и в первый раз, требовал ставить палатки строго в ряд, по ниточке. Утром опять ползали по траве, собирали бумажки. Подъем на перевал оказался очень тяжелым, все в гору и в гору, спешившись. Даже лошади устали, некоторые из них пытались улечься. Но Жекбай и Амантур были начеку. И туристы, многому научившиеся в походе, тоже следили за лошадьми, ни одна не опустилась на землю.

Долго ждали отставших. Перед прибытием в Алгабас километров за десять бросаю поводья, торопиться уже некуда. Манька мирно щиплет траву, иногда тихо ржет, иногда передвигает ноги. Я распласталась у нее на шее, прощаюсь и за все благодарю. Маняше передается мое настроение, она тоже не торопится домой. Что хорошего ждет Маньку впереди? Ничего. Туристический сезон окончен, на волю она уже не сбежит, стара. Прощай, подруга, доброе ты создание!

Последняя ночь в Алгабасе. Обмениваемся адресами, бродим по аулу. Жекбай на память раздает ветровки, к предстоящему сезону купят новые. Досталась и мне одна. Грустно.

Утром нас ждет автобус, и вечером мы уже в Алмате на турбазе. Предстоит еще экскурсия в урочище Медео с его знаменитым катком. Часть местных туристов разошлась по домам. Иван с четырьмя заядлыми туристками обсуждают подробности нового похода. Жекбай просит меня купить творог, он не любит ходить в городские магазины.

С целью проведения дальнейших совместных работ я посетила консервный завод Алматы, затем села в самолет и приземлилась уже в Москве. Нет, не отпускают меня Кольсайские озера, не отпускает ласковая Манька, снежники в горах, Жекбай дикий человек, тянь-шаньские ели со свисающими ветвями, сочащаяся из земли вода, девушка-киргизка, овечий сыр, Алгабас с босоногими наголо остриженными пацанами, как по команде говорящими «здравствуйте», бурлящий Чилик и казашки, полоскающие в нем белье. Все это со мной навсегда.

Да, я не видела Париж, но была на прекрасных Кольсайских озерах. А многие ли из парижан могут этим похвастаться? Будьте же счастливы все мои спутники по незабываемым Кольсайским озерам!

СКАЗОЧНАЯ РЕКА РОДОВКА

Чтобы увидеть что-то интересное, не обязательно отправляться в дальние страны. Река Родовка, протекающая недалеко от моего дачного участка на юго-западе Чеховского района Московской области, оказалась чрезвычайно интересным объектом. При сопоставлении современной топографической карты 1992 г. и карты XVIII века (Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке.– М., 2004) нетрудно заметить между ними некоторые расхождения. Для истинного положения реки на местности необходимо было пройти по ее руслу и руслам ее притоков от истоков и до впадения Родовки в Нару.

Родовка в XVIII веке начиналась западнее деревни Булычево. Современная Родовка берет начало из болота, расположенного слева от дороги Чехов–Стремилово в 500 метрах от нее. Сокращение верховья реки вызвано проведенными в конце прошлого столетия мелиоративными работами. Однако высохший участок прежнего русла сохранился до сих пор в виде неглубоких безводных оврагов, заросших кустарником и березами. К болоту, из которого начинается Родовка, ведет грунтовая дорога, около шоссе заасфальтированная. В зарослях кустарника, высокой травы и крапивы начинается современная Родовка. Река невелика, длиной не более 14 километров. Но сколько тайн она скрывает!

Хорошо выраженное узкое русло опоясывает край леса, который расположен на небольшой возвышенности, простирающейся не более чем на один километр. Русло чрезвычайно извилистое, иногда образует меандры. Река делает небольшой поворот на юг и уже в неглубоком овраге течет по березовому лесу. Выйдя из леса, она делает два S-образных поворота, продолжая течь на юг. И вновь попадает в овраг с увеличивающейся глубиной.

Русло завалено буреломом, берега реки заросли высокой болотной травой и крапивой, что характерно для Родовки и ее притоков на всем их протяжении. Отсутствие населенных пунктов, высокий, местами еловый лес, первозданная тишина создают впечатление сказочности и отрешенности от остального мира.

Справа в Родовку впадает приток, на обеих картах не обозначенный. Этот приток жители деревни Высоково также называют Родовкой. Назовем его Родовка-2, чтобы не изобретать новых названий и не затрагивать чувства местных жителей.

Родовка-2 начинается на востоке от Высокова с правой стороны дороги Чехов–Стремилово. В вершине оврага, по которому течет приток, располагался родник классической формы. Углубленный в землю на 15–20 см, прямоугольный лоток с гладко отполированными стенками служит водонакопителем. Бьющий из земли родник в виде небольшого прямоугольного выступа находится непосредственно над лотком. Скопившаяся в нем вода попадает в овраг с постепенно увеличивающейся глубиной. В водонакопителе собирается также поверхностная вода с прилегающей территории, что хорошо видно по руслам многочисленных ручейков. Сейчас после нескольких засушливых лет родник перестал существовать. От него сохранилось только углубление в виде протяженного желоба.

Дорогу Чехов–Стремилово река Родовка-2 пересекает по бетонному коллектору рядом с указателем «Стремиловское ЗАО» и вновь попадает в овраг. Интересно, почему Родовка и ее притоки текут в оврагах? И другие реки и ручьи в нашей местности тоже текут в оврагах. В этой загадке предстоит разобраться.

После полукилометрового пути Родовка-2 выходит на открытое заболоченное пространство, хорошо просматриваемое из Высокова, и вновь скрывается в овраге. Рельеф местности заметно понижается. Родовка-2 принимает слева два коротких ручья, также текущих в оврагах, и соединяется с Родовкой.

Недалеко от Родовки-2 дорогу Чехов–Стремилово пересекает впадающий в нее ручей. Он берет начало в лесу в заросшем осокой болоте. Рядом с ним проходит заброшенная грунтовая дорога. Карта XVIII века показывает, что в окрестностях Родовки существовало больше деревень, чем сейчас, которые между собой соединялись лесными дорогами.

На левом берегу, высоком и крутом, там, где соединяются две Родовки, расположено садовое товарищество «Олеся». Здесь русло и берега реки сплошь в родниках, и садоводы постоянно обеспечены родниковой водой.

Второй правый приток Родовки многоводный Кевин начинается на западе, он обозначен на обеих картах, но не назван. Кевин замыкает огромное поле южнее Высокова и полностью течет в оврагах. Его общий вид можно сравнить с елкой. Каждый овраг – это ветка елки, окруженная более мелкими оврагами. Такие разветвленные овраги расположены по течению Кевина с обеих сторон, русла текущих в них ручьев хорошо выражены. Обилие завалов, высокой травы и крапивы. По мере удаления от вершин глубина оврагов увеличивается, достигая 10 метров, стены оврагов очень крутые. Кевин невелик, как и Родовка-2, не более двух с половиной километров, но многоводен, поскольку собирает воду с обширного пространства. Даже в засушливую погоду вода в нем постоянна из-за обилия родников.

Дорогу в садовое товарищество «Нива» Кевин пересекает по двум бетонным коллекторам. Члены товарищества своими силами соорудили на нем плотину. Образовался пруд площадью с полгектара, что украсило окружающую местность. Родовка принимает воды Кевина у западного подножия холма, на котором расположено товарищество. В документах записано: «Товарищество «Нива» находится на правом берегу ручья Кевин». У англичан существует мужское имя Кевин. Интересно, как оно стало названием русского географического объекта? Это пока загадка.

Между холмами, занятыми товариществами «Нива» и «Олеся», где протекает Родовка, раньше были два омута, в которых, со слов старожилов, купались местные жители. Туда же они выбрасывали чугунные горшки, не годные к использованию. Сейчас здесь бьет родник, забранный бетонным кольцом, куда жители Высокова ходят за родниковой водой.

Обогащенная водами своих притоков (Родовки-2 и Кевина) Родовка далее течет в глубоком овраге прямо на юг. В бочажках движение воды незаметно, а на быстринах хорошо выражено. Оценить приблизительную (до 10 метров) глубину оврагов можно с помощью его осмотра до поверхности воды. Для определения большей глубины необходимо спуститься к воде и мысленно поместить в овраг какой-либо предмет известной высоты, например, панельный дом, каждый этаж которого равен трем метрам.

Известный пруд на Родовке в деревне Васино находится в глубоком (до 49 метров) и широком овраге. Даже в засушливую

погоду, когда высыхает трава, вода в пруду не застаивается, а постоянно обновляется за счет обильных родников. Пруд оснащен водосбросом и донным водовыпуском. Длина плотины 400 метров, по ней пролегает дорога, вымощенная бетонными плитами. Такими же плитами вымощен берег пруда со стороны плотины. Вода из пруда вытекает по коллектору и по бетонному коридору продолжает свой путь. Пруд очень красив и напоминает горное озеро. На его берегах высятся могучие ели и березы, площадь его достигает 13 гектаров. Смельчаки купаются в этом глубоком пруду с родниковой водой, но в основном в нем ловят рыбу.

Овраг, в котором течет Родовка, на южном горизонте сужается. Вся местность поражает какой-то первозданной красотой. А до построения плотины, что произошло в 1979 году, сюда из Москвы постоянно приезжали художники на этюды. Местные жители с восторгом вспоминают прежние времена.

Раньше в Васине работала общеобразовательная средняя школа в бывшем доме помещика Костылева. Усадьба и дом помещика нестандартной архитектуры сохранились до сих пор. Этот деревянный дом на кирпичном фундаменте несколько лет назад собирались реставрировать, но отступились. Сейчас дом постепенно разрушается, а на бывшей усадьбе появляются новые дома и коттеджи. Местная учительница Нина Ивановна Афанасьева, приехавшая в Васино после окончания института, до настоящего времени в нем живет.

Помещичий дом облюбовали поползни. Две крупные птицы и пять особей помельче, их птенцы, без устали обследуют стены, осматривая каждую щель в древесине. Держатся они вместе, перелетая на другую стену всем семейством сразу. При появлении опасности незамедлительно слетают. Полет стремительный и прямолинейный, как у брошенного с силой мяча. Летят недалеко и присаживаются на кусты рядом. Опасность миновала, вся семья вновь перемещается на дом и продолжает свою санитарную деятельность. Столь отъевшихся поползней с блестящим перьевым покровом увидела впервые.

Продолжаю идти по левому берегу Родовки, по краю оврага. Его глубина остается прежней, илистое дно реки хорошо просматривается. Метров через 600 овраг сужается, лес становится темным, ели перемежаются осинами. Наверху оврага растут дубы.

Слева в Родовку впадает еще один приток, далеко отстающий от реки и начинающийся на востоке от Васина. Его длина более трех километров, он представлен на обеих картах. Возможно, что этот приток когда-то имел название, но сейчас его никто не помнит, в том числе и старожилы. Назовем его Безымянный.

Овраг, в котором течет Безымянный, вначале неглубокий, становится все глубже и шире. А при слиянии с Родовкой он глубок, как и овраг самой реки. Чтобы перейти Безымянный, пришлось подняться вверх по его течению. Перейти его можно в том месте, где Безымянный пересекает линия электропередачи местного значения. Приток здесь течет двумя потоками, и каждое русло в своем каньоне с вертикальными стенками глубиной более двух метров. Вокруг завалы из погибших деревьев, кусты и трава выше человеческого роста. Далее в овраге течет еще один ручей, впадающий в Безымянный. А уже за ним находится выработанный карьер, о котором много слышала от местных жителей.

После ознакомления с карьером стало понятно, почему реки и ручьи в нашей местности текут в оврагах. Водная система Европейской части России сложилась в конце последнего ледникового периода, когда уже были образованы вторичные горные породы песок и глина. Хорошо размываемые водой, они вместе с талыми водами перемещались в пониженные места рельефа. Можно предположить, что размывание вторичных горных пород продолжается и в настоящее время. И овраги продолжают углубляться.

На месте карьера ранее располагалась усадьба Вяземских. К началу его разработки сохранился лишь парк. Дом Вяземских находился в близлежащей деревне Кудаево, но он тоже не сохранился.

Иду по северному гребню карьера, справа кромка оврага Безымянного, слева сам карьер. Песок в нем белый и красный, так называемый «горный», состоящий из смеси песка и глины. Для пешехода он опасен, так как хорошо задерживает влагу и может засосать. Среди песка попадаются обкатанные валуны, но есть экземпляры причудливой формы. Один монолит белого цвета известковой породы размером 1,5х1,0х1 метра прямоугольной формы похож на чемодан.

Глубина выработки карьера, расположенного на склоне Родовки в 12° (о чем сообщает дорожный указатель), достигает

15–20 метров. В некоторых выработках скопилось вода, кое-где заросшая ряской. Длина самого карьера 800 метров, ширина его 300 метров. С его южной стороны пролегает асфальтированная дорога, ведущая в деревню Лопино, к другому песчаному карьеру и в деревню Дубровки.

Овраг, в котором течет Родовка, по мере приближения к устью остается все таким же глубоким. Пытаюсь в него заглянуть, крепко обхватив руками ствол березы или осины. Несмотря на то, что за прошедшие полтора километра рельеф значительно понизился, глубина оврага мало изменилась. Внизу его – мрак, тишина, все в туманной дымке, дна не видно. Некоторые растущие в нем деревья едва достигают края оврага. Растут они на его крутых склонах, стволы покрыты мхами и лишайниками, настоящее царство сказочных героев и злых волшебников. Русские народные сказки складывались не иначе, как под впечатление подобных заколдованных мест. «Там царь Кащей над златом чахнет, там русский дух, там Русью пахнет».

На правом берегу Родовки, окруженном все тем же сказочным лесом, находится деревня Лопино (в XVIII веке она называлась Лопина). Сейчас в ней 26 домов, в пяти из них проживают старожилы. А другие деревни, ранее находившиеся на реке, Крюково, Глазуново, Бабыкино, Алексеевское, уже не существуют.

На мосту через Родовку еще раз любуюсь окружающей природой, оставшимся за спиной оврагом, внизу которого река продолжает свой бег, и пытаюсь определить его глубину. По сравнению с глубиной оврага около Васинского пруда она мало изменилась, уменьшившись не более чем на 10 метров, русло реки здесь илистое, широкое, окруженное все тем же сказочным лесом.

Осталось пройти участок русла от плотины до Лопина. Вооруженные длинными палками, мы спускаемся вниз оврага. Вытекающая по коллектору из Васинского пруда вода продолжает свой путь по илистому дну, местами каменистому.

Нас не покидает ощущение, что мы находимся в сказочном царстве. Овраг широк и глубок, склоны его заросли высокими елями и орешником. Из внешнего мира не доносится ни единого звука, только Родовка шумит на каменистых перекатах.

Попадаются следы кабанов, лис и собак, а также стволы деревьев, надгрызанные бобрами. Птиц почти нет. Лишь в конце пути вспугнутая нами темная молчаливая птица размером с

вяхиря поднялась с места кормежки и полетела прочь от нас между стволами деревьев, почти касаясь земли. Лягушек мало, но в бочажках, где вода замедляет свой бег, обилие жуков-плывунцов, окрашивающих воду в пурпурный цвет. После прошедших недавно обильных дождей река становится все многоводней, глубина ее более метра.

Русло завалено погибшими деревьями, их здесь заметно больше, чем в других оврагах реки. Много лиан, стебли которых крепче канатов. Попадаются растения, ранее в здешних местах нами не виденные – высокий колокольчик с крупными цветками и листьями, высокое растение из семейства сложноцветных с немногочисленными бледно-желтыми, прекрасно пахнущими цветками. И еще одно цветковое растение, поразившее нас, – высокое, похожее на чистотел, с единичными крупными желтыми цветками со шпорой и немногочисленными крупными прикорневыми листьями.

По левому склону оврага Родовки от Васинского пруда проложена тропа, пересекающая реку на полпути до Лопина по широкому деревянному мосту с перилами с одной стороны, которая продолжается как грунтовая дорога по правому склону оврага. Здесь русло Родовки заметно меняется. Она делает больше поворотов, протяженность которых заметно увеличивается. Река, как своенравная красавица, которой все дозволено, кидается от одного склона оврага к другому.

Берега реки становятся заболоченными. В местах впадения в нее Безымянного и других менее крупных ручьев количество грунтовых вод заметно повышается. Ноги утопают во мшистом грунте, идти по нему одно удовольствие. Дно Родовки выстлано камнями черного цвета. Среди них на перекатах мы обнаружили камни причудливой формы, с противоположной течению стороны имеющие округлое углубление с хорошо выраженным на дне кольцеобразным выступом. Такой камень, результат работы воды и песка, имеет форму чашки.

В деревне Лопино около дома 13 крутой спуск через ельник приводит к берегу Нары. Здесь расположен заливной луг и здесь же устье Родовки, наконец-то закончившей свой бег. Последний километр пути река проходит по извилистому руслу, заваленному погибшими деревьями. Перед впадением в Нару образует небольшой водопадик, больше похожий на перекат, и сливает свои чистые родниковые воды с водами других рек и речушек.

Находящиеся рядом с устьем Родовки заливные луга и еловый лес на обоих берегах Нары – излюбленное место обитания пернатых, настоящее птичье Эльдорадо. Здесь можно встретить зеленого дятла (Красная книга Московской области), большого пестрого дятла, буроголовую гаечку (редкий вид в Московской области), сойку и других птиц.

Общее впечатление от Родовки то, что сама река – чудо природы. Вся она состоит из непрерывных контрастов. Сделаешь по ее берегу шаг, и ты попадаешь в новое пространство, трудно предсказуемое. Никогда нельзя угадать, что же находится за очередным поворотом, оврагом или лесом. Река постоянно будит воображение: а что же дальше, как она течет, какое у нее дно, достигла ли материковой породы и так далее.

Приток Родовки Кевин почти полностью течет в глубоких оврагах, скрытый от людских глаз, представляя собой обособленную водную систему. Влага, собираемая им с обширной территории, сочится из родников, сплошь пронизывающих эти овраги. Кевин появляется для обзора только вблизи своего устья.

Красоту Родовки и ее притоков трудно описать, их надо видеть. Вот сколько интересного можно обнаружить рядом со своим дачным участком.[1]

---

1 Благодарю за помощь в работе местных старожилов Валентина Николаевича Тарбеева, Сергея Гавриловича Рубена, Николая Ивановича Давыдова, Николая Сергеевича Кишкинова, а также Александру Григорьевну Загайнову, Игоря Михайловича Лобченко и Ольгу Ивановну Жихареву.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ КРАСНОЯРСКА, ПО ЕНИСЕЮ

поэт и композитор В. Величкин

От Тувы и в море Карское
На четыре тыщи верст,
Он сибирской дивной сказкою
Перекинут словно мост.
Он волною упирается
В Ледовитый океан,
А в проспектах называется
«Голубой меридиан».
Где-то между параллелями
Круг полярный, как итог.
Там скалистые ущелия,
Там Осиновский порог.
Снова ширь раздольной песнею
Неба синего синей.
«Ионеси» кличат местные,
Остальные – Енисей.
Не прошел, видать, по масти я
При распределеньи мест.
Кто посолидней, полобастее,
В одиночки-люксы влез.
Не сошелся, видно, в смете я
(Цены крепкие кругом),
И вот в каюте класса третьего
На жестких лавках вчетвером.
На «Матросове» не во поле,
Жизнь, ребята, хоть куда.
Часто кормят местным омулем,
Есть горячая вода.
Недостатки все попрятали,
Но не так, как в прошлый год.
Их в газетах пропечатали,
И стало все наоборот.

И покажут все похоже нам,
Даже чумы на снегу,
По тропинкам по нехоженным
Сводят в тундру и тайгу.
В тундре дали разноцветные,
Край полярный без границ.
Там и встретит нас приветливо
Чудо Севера – Норильск.
А чем северней, тем лютее,
Берег моря – не труба.
Здесь не Гагры, здесь безлюдие,
Енисейская губа.
Тут тоску по Дону пели
Стеньки Разина дружки.
А впоследствии сидели
И посерьезней мужики.
Нам крамольных дел не надо,
Скажем так, не в этом суть.
Нам прожить Сибириаду,
Ветра вольного глотнуть.
Да еще хочу признаться,
Красных слов чтоб не бросать,
У Дудинки б искупаться
И овцебыка увидать.

ОЙ, НА ЛЕНЕ, ОЙ, НА ЛЕНЕ...

Слова поэта Луговского

Ой, на Лене, ой, на Лене,
Словно бусинки, огни.
Мне до Лены в день весенний
Только руку протяни.
Только Лена – не Елена,
Лене песня не слышна.
Только Лена, как Елена,
Невозможно холодна.
От тебя, моя Елена,
Унесли меня пути.
Думал, к Лене, думал, к Лене
Мне дороги не найти.
Только как, скажи, навеки
Позабыть тебя мне тут,
Если Леной даже реку
Здесь в Якутии зовут.
Ой, на Лене, ой на Лене,
Словно бусинки огни.
Мне до Лены в день весенний
Только руку протяни.
И я знаю, непременно,
Не во сне, а наяву,
Что по Лене я к Елене
Ранним утром приплыву.

Содержание

Лидия Ивановна Розанова

НА ВОДНЫХ ПРОСТОРАХ

Путевые заметки

Корректор Н. Ионина
Художник А.В. Морозова
Компьютерная верстка Р. Домнин

Сдано в набор 28.11.11 Подписано в печать 25.01.2012
Формат 84x108/32. Гарнитура «Arno Pro».
Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 5029

Издательство «Голос-Пресс»
127051, Москва, Цветной бульвар, д. 32
Тел./факс: (495) 625-44-61

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО "Новое время".
г. Орел, ул. Итальянская, 23

Розанова Лидия Ивановна
родилась в Москве в 1931 г.
Окончила Московскую ордена Ленина
Сельскохозяйственную Академию
им. К.А. Тимирязева.
Кандидат биологических наук.
Член Союза охраны птиц России.
Много путешествовала по России,
республикам бывшего СССР
и зарубежным странам.